

БЕСТСЕЛЛЕР THE SUNDAY TIMES

Б. П. УОЛТЕР

НЕЗВАННЫЙ

ГОСТЬ

18+

В ЛУЧШИХ ТРАДИЦИЯХ АГАТЫ КРИСТИ И ДОННЫ ТАРТТ

Объявлено убийство

Б. П. Уолтер

Незванный гость

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.111-312.4(410)
ББК 84(4Вел)-44

Уолтер Б.

Незванный гость / Б. Уолтер — «Издательство АСТ»,
2021 — (Объявлено убийство)

ISBN 978-5-17-152502-6

Четыре человека собираются на ужин. Для одного из них он станет последним. Мэттью – идеальный муж. Титус – идеальный сын. Чарли – идеальная иллюзия. Рейчел – идеальный незнакомец. Минуту назад все, казалось, было хорошо, но вот за столом уже труп, а у незваной гостьи окровавленный нож в руках. Кажется, что все очевидно. Тем более что преступница созналась сама. Но что, если у нее были другие причины сознаться? Что, если убийца – не она, а кто-то еще?

УДК 821.111-312.4(410)

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-152502-6

© Уолтер Б., 2021

© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	16
Глава 4	19
Глава 5	21
Глава 6	22
Глава 7	24
Глава 8	35
Глава 9	39
Глава 10	40
Глава 11	44
Глава 12	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Б. П. Уолтер

Незванный гость

Ребекке и Тому

Надвигается буря, мистер Уэйн. Советую вам и вашим друзьям задрать люки, ведь когда она обрушится, вы будете удивляться, как вы могли жить так роскошно, не делась ничем с остальными людьми.

Селина Кайл в к/ф «Темный рыцарь: Возрождение легенды» по сценарию Кристофера Нолана и Джонатана Нолана

B.P. Walter
THE DINNER GUEST

Серия «Объявлено убийство»

Печатается с разрешения Hardman and Swainson и The Van Lear Agency LLC

Перевод с английского *Максимовой Марии*

© BP Walter, 2021
© Максимова М., перевод, 2023
© ООО "Издательство АСТ", 2023

Пролог

День убийства

Мой муж Мэттью умер не по сезону холодным августовским днем во время ужина. Мы были вместе чуть больше десяти лет, женаты – пять из них, и да, мы любили друг друга. Но любовь меняется со временем, и, должен признаться, в те последние мгновения, когда я знал, что он умирает, на фоне ужаса, крови и шока моя любовь к нему была не такой абсолютной, как можно было бы ожидать. Даже после всего, что произошло. Когда мы женились, мысль о том, чтобы потерять его, вызвала бы во мне волну опустошения. Подобное не укладывалось в голову. И я думал, что так будет всегда. Потребовалось случиться худшему, чтобы я понял, что не всегда все происходит так, как мы думаем.

Больше в моем сознании отложилось не то, как нож входил в плоть, и не ужасный звук, который издал Мэттью, когда осознал, что произошло. Больше всего мне запомнилось, как он порывался заговорить. Он пытался что-то сказать, что-то явно очень важное для него. А я не мог разобрать слов. У него не получалось произнести их достаточно внятно, чтобы передать смысл. Я даже не рисковал предположить. Возможно, там было слово «после», хотя я не уверен. И эта неизвестность, это бессилие породили вопросы и размышления о том, что же он хотел сказать мне в свои последние секунды.

Рейчел с ножом в руке спокойно сидела на стуле и звонила в полицию. Тем вечером ее даже не должно было быть у нас. Но я привык к ее отличительной черте: всегда находить способ оказаться в местах, ситуациях и мероприятиях, которые обошлись бы и без нее. Всегда посторонняя. Однако не сегодня. Сегодня ей принадлежала главная роль.

Прибывшие полицейские арестовали ее на месте. Она ведь призналась. Она сидела, держа нож, в глазах блестели слезы.

– Это сделала я, – тихо, но уверенно сказала она. – Я его убила.

Они уже собирались увести ее, когда младший из двух полицейских задал ей вопрос. Вопрос на миллион долларов, как говорится.

– Почему вы убили его, Рейчел?

Подозреваю, что старший полицейский хотел бы сохранить подобное для допросной, но все равно повернулся послушать ответ. Но лицо Рейчел оставалось невозмутимым. Лишь на мгновение его спокойную поверхность потревожила рябь эмоции. Потом она просто покачала головой и опустила ее.

– Я не могу, – сказала она и больше не произнесла ни слова.

Ее увели, чтобы поместить под стражу, а еще один полицейский остался, чтобы отвезти нас с Титусом в участок в машине с мигалками. Мне пришлось уговаривать Титуса выйти из комнаты. Он лежал на кровати, завернувшись в одеяла и отгородившись от ужаса окружающего мира наушниками. Перед собой он держал старый памятный альбом. В детстве он делал такие на каждом школьных каникулах. По-видимому, так делала сестра Мэттью. Он как-то рассказывал мне об этом, когда мы смотрели, как маленький Титус клеит распечатанные фотографии. Я не понял, радовался ли он увлечению мальчика или был обеспокоен. И меня нервировало, что сейчас, после сцены насилия в кухне, Титус потянулся к альбому, заполненному фотографиями нашей счастливой семьи.

– Нам надо ехать, – мягко сказал я. – Полиция здесь. Надо поехать в участок, чтобы они побеседовали с нами.

Полицейский за спиной сказал, что нам обоим надо спуститься. Он подошел и встал близко, ясно давая понять, что выбора у нас нет.

Я видел, как по лицу Титуса катятся слезы, и мне хотелось обнять его и сказать, что все хорошо. Но он отпрянул от меня.

– Пожалуйста, Титус. Нам надо ехать. Они уже забрали Рейчел.

При этих словах, как я и подозревал, он поднял голову.

– Рейчел призналась. Она сказала, что сделала это.

Он встал, и светлая челка упала ему на лицо, промокнув от слез.

– Но... почему?

Последнее слово он произнес одними губами. Я пристально смотрел на него, в воздухе между нами повис вопрос без ответа. Почему Рейчел призналась в убийстве, которого не совершала?

Глава 1

Чарли

За одиннадцать месяцев до

Впервые мы с Рейчел встретились в книжном магазине. Мы с Мэттью поехали в город, оставив Титуса дома с моей мамой печь кексы. Когда мы решили поселиться в Челси, я боялся, что мама, живущая в соседней Белгравии, попытается контролировать нашу жизнь, но в основном мы прекрасно обходились, а она заглядывала пару раз в неделю.

Поход в «Уотерстоунс» на Кингс-роуд был моей идеей. Я хотел выбрать книгу с пафосным названием, о которой прочел в одной из утренних газет, больше ради того, чтобы меня увидели читающим ее, нежели для удовольствия. Мэттью всегда критиковал это. «Ты относишься к книгам, как к аксессуарам». Последнее слово он произнес с полнейшим презрением, а его красивое лицо расплылось в хитрой улыбочке. Он меня подначивал, а я проглотил наживку и ответил, что это мое личное дело – что читать и почему.

В «Уотерстоунс» Мэттью отправился прямиком в раздел фэнтези, вероятно, выбрать книгу, которая по размеру могла бы сойти за весьма действенное оружие, а я рассматривал прилавки с новинками. Я нашел книгу, которую хотел, и как раз потянулся за ней, но наткнулся на чужую руку.

– Ой, простите, – засмеялась она, отдернув руку.

Я поднял глаза. Волнистые светлые волосы, яркие голубые глаза. Было в ней что-то живое. Задорное. Беззаботное.словно ее принесло ветром. Она оглядела меня с головы до пят, как часто делали женщины. Я замечал это всю свою взрослую жизнь. На самом деле, даже дольше. Когда я был юношей, на поле для регби мне всегда кто-нибудь свистел, а в клубах находилась компания девушек, желающих пообщаться. По мере взросления, после двадцати и сейчас, когда мне уже за тридцать, знаки внимания стали более тонкими, но никуда не делись. Иногда я задавался вопросом, не испортило ли меня каким-то образом то, что мне единственному в своей компании доставались все взгляды. В юности мой друг Арчи дразнил меня «чудомальчиком» и шуточно пихал в бок, когда девушки моментально появлялись рядом, стоило нам войти в бар. Он обожал «момент», как он это называл, когда они подкатывали ко мне, предлагая угостить их выпивкой, а я выдавал свою лучшую извиняющуюся улыбку и говорил, что с удовольствием куплю им выпить, но прошу прощения, потому что предпочитаю парней, а не девушек. Обычно после секундного разочарования (которое – сейчас мне несколько горько это признавать – подпитывало мое эго) они оставались дружелюбными, но чаще переносили свое внимание на Арчи или других моих спутников. А иногда просто оставались поболтать. Меня устраивало и то, и другое.

С Рейчел мы не дошли до этой точки. Тогда я и не знал, что ее зовут Рейчел. Она была просто женщиной, которая пришла купить такую же книгу, что и я. Но, когда наши руки отдернулись друг от друга, а глаза встретились, я каким-то образом понял, что она станет частью нашей жизни. Вот только не знал, насколько большой.

– Извините, вы первая, – улыбнулся я.

Еще один короткий смешок.

– Нет, вы, честно.

Я покачал головой:

– Я даже не знаю, куплю ли ее. Вы выглядите более уверенной.

Это была неправда. Я знал, что куплю книгу, но такая уж была у меня привычка – выдавать легкомысленные фразочки. Часть моей постоянной потребности создавать непринужденную обстановку. Через несколько секунд мы уже разговаривали о рецензии на эту книгу в

«Обзервере» и о том, что предыдущим вечером ее обсуждали в «Субботнем обозрении» на «Радио 4». Она кивала, улыбаясь, и упомянула другие книги автора, но я признался, что не читал ни одну.

– Настоящий читатель у меня муж, – сказал я, кивая на Мэттью, который стоял у столов с книгами в мягких обложках и табличкой «Вторая книга за полцены». – В основном фэнтези, но другие книги тоже.

В этот момент в ее взгляде что-то промелькнуло. Тогда я подумал, что это типичное легкое разочарование из-за того, что я женат, в сочетании с удивлением, что женат на мужчине. Но, конечно, оглядываясь назад, я понимаю, что это было нечто более зловещее. Однако в тот момент это в очередной раз потешило мое эго. Как-то раз я рассказал Мэттью про теорию двойного облома и про свою уверенность в том, что каждый раз видел разочарование в глазах женщин. Мы отдыхали с ребятами, Арчи и Джордж рядом с нами планомерно напивались, и я ожидал, что все засмеются, но Мэттью не было смешно. Он только покачал головой и сказал:

– Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, любимый, никогда не допускай мысли, будто постиг, как думают женщины. Это не располагает.

И с лишь наполовину притворной серьезностью положил ладонь на мое колено.

– Почему нет? – удивился я.

– Потому что это звучит самодовольно, высокомерно и, может, чуточку сексистски.

С этими словами он пошел за новым пивом, оставив меня растерянно смотреть на друзей.

Из-за всего этого я не планировал рассказывать Мэттью о женщине из «Уотерстоунс». Мы попрощались, и она пошла оплачивать увесистый том, а я продолжил осмотр, зажав книгу под мышкой. Но всего через полчаса мы снова встретились в продуктовом отделе в «Маркс и Спенсер» через дорогу. «Каковы шансы?» – подумал я. Она пыталась балансировать две пачки сыра халуми поверх лотка с малиной.

– Интересное сочетание, – прокомментировал я и вновь услышал ее приятный, живой смех. А затем, поскольку было бы странно и неловко этого не сделать, я представил ей Мэттью, она поздоровалась, и тут я понял, что на самом деле не знаю ее имени, как и она моего.

– Я Рейчел, – сказала она. – Только что переехала.

– С севера? – спросил я и добавил: – Простите, я заметил акцент.

Она слегка запнулась с ответом – может быть, ее покорило предположение – но все равно улыбнулась:

– Да, из Йоркшира.

Мэттью кивнул:

– Очень хорошо.

Даже я, самый общительный парень, которого можно встретить, к этому времени начал волноваться, как бы нам закончить разговор, чтобы это не выглядело странным. Просто чтобы сказать хоть что-нибудь, я кивнул на пакет из «Уотерстоунс», висевший у нее на руке, уголки твердой обложки слегка впивались в ее кожу.

– Вижу, вы взяли не только наш общий интерес.

Рейчел посмотрела на пакет, как будто только что его заметила, и одна из пачек халуми выпала и покатила по полу. Мэттью поймал сыр, а Рейчел, неловко засмеявшись, достала несколько книг.

– Парень за прилавком сказал, что эти хороши.

Я посмотрел на обложки: традиционные детективы для книжных клубов. Больше во вкусе Мэттью, чем в моем.

– О, мы выбрали эту для следующей встречи нашего книжного клуба, – сказал он, показывая на голубую обложку с маяком и женским профилем.

– Какое совпадение. Мне не терпится ее начать.

– Вы должны прийти, – с энтузиазмом сказал Мэттью. – Мы всегда ищем новых участников.

«Какого хрена?» Одно дело доброжелательность, а другое – странность. Этой случайной женщине не нужно приглашение в его книжный клуб. Я внутренне поморщился от неуместности, но, к моему удивлению, она не отказалась, сказав, что у нее много дел и это хорошая идея, но «спасибо, все в порядке» – ничего такого. На самом деле она улыбнулась и кивнула, распахнув глаза.

– Это было бы замечательно. Если вы не против незваных гостей.

– Вы не будете незванным гостем, – отмахнулся от ее возражений Мэттью. – Будем только я и несколько друзей.

– Звучит здорово, – сказала она, продолжая кивать.

– Они немного старше... нас, но мы все обожаем читать. Вы могли слышать про одного из них... Джером Найтли. Он актер. Много снимался в британских ромкомах в начале нулевых. Рейчел явно слышала о нем.

– Да, ого... Не думала, что актеры занимаются обычными вещами вроде участия в книжных клубах.

– Оказывается, они всего лишь люди, – сказал Мэттью, и оба засмеялись.

На том и порешили. Она достала телефон. Он достал свой. Обменялись номерами. А я стоял и смотрел, как какой-нибудь посторонний, пока эти двое договаривались.

– Следующая встреча будет у нас дома, на Карлайл-сквер, – объяснял Мэттью. – Обычно все приходят около семи вечера. Мы собираемся у всех по очереди, но вы не обязаны.

Затем он дал ей, абсолютно незнакомому человеку, наш домашний адрес – адрес, где жили и спали мы и наш сын, – а затем пришла пора прощаться.

– Жду с нетерпением. Это задало мне настроение на всю неделю вперед, – крикнула нам вслед Рейчел, после чего скрылась в направлении касс.

– Что ж, это было мило, – сказал Мэттью с неподдельно счастливым видом, определенно довольный тем, что завел нового друга посреди рядов охлажденных продуктов.

Я коротко улыбнулся ему и положил в нашу тележку упаковку деликатесных бургеров.

– Что? – спросил Мэттью.

Он понял, что я немного злился из-за всего разговора. На самом деле, «злился» неподходящее слово. Был ошарашен, пожалуй. Во всяком случае, я считал, что это как-то... быстро. И было что-то странное в том, как Рейчел моментально ухватила за идею присоединиться к книжному клубу, вплоть до договоренности прийти к нам домой через две недели.

– Ничего, – сказал я, слегка качнув головой.

Мэттью закатил глаза, что взбесило меня еще больше.

Домой мы шли практически в молчании. Единственным замечанием Мэттью было то, что Крофтфилды, живущие на другой стороне площади, недавно купили новый гибридный «БМВ». Дома Титус испек два кекса, а также поднос печенья, моя мама уже наслаждалась кусочком лимонного кекса, устроившись на одном из барных стульев, а из музыкального центра в гостиной доносилась программа «Диски необитаемого острова»¹.

– Бабушка делала глазурь, – объявил Титус, пододвигая ко мне подставку с кексом. – Но кексы делал я, конечно.

– Выглядит вкусно, – похвалил я. – Можем сфотографироваться?

Мама неодобрительно хмыкнула.

– Тебе необязательно быть в кадре, – сказал я, вздохнув. – Если хочешь, можешь нас сфотографировать.

¹ Популярная программа на «Радио 4 Би-Би-Си», в которой гостей просят назвать восемь музыкальных записей, книгу и предмет роскоши, которые они взяли бы на необитаемый остров.

Она не ответила на это, а наклонила голову в сторону радио, как будто ее по-настоящему интересовало, что вышедший в тираж старый поп-исполнитель рассказывал Лорен Лаверн о своей борьбе с алкоголизмом. Маме не нравится идея «Инстаграма». Она пользуется «Фейсбуком» и то только для того, чтобы вместе с другими соседями поныть в безопасности закрытой группы про таксистов-иммигрантов и бездомных – новый вид подглядывания из-за занавески для высших слоев.

У нас особые отношения с «Инстаграмом». Вернее, сначала были только у меня. Я, наверное, был одним из последних, когда все мои приятели в офисе начали пользоваться им и говорить мне, что я не в теме. Арчи и другие бывшие одноклассники тоже. Это постоянно напоминало школьные дни, когда один человек оставался за бортом компании из-за какого-то пустяка. Мы как будто вдруг вернулись в прошлое: я не был частью «крутой компании», потому что у меня не было «Инстаграма». Я не фотографировал воскресным утром французские тосты или яйца Бенедикт, не просил никого щелкнуть мой рельефный торс на пляже, пока я беззаботно выхожу из моторной лодки, держа в одной руке бокал с чем-то пузырящимся, а другой обнимая своего спутника. А потом, как-то неожиданно, стал делать именно это. Я скачал «Инстаграм» однажды в пятницу вечером, когда простудился и не мог присоединиться к парням на вечеринке с бильярдом и громкой музыкой. Шел две тысячи тринадцатый год, как раз перед тем, как мы с Мэттью начали встречаться. Мне было одиноко и скучно, и я просто скачал приложение, чтобы посмотреть, о чем столько разговоров. Первым я сфотографировал бургер, который приготовил из картофельных оладий, толстых кусков чеддера, бекона и ломтика жареной курицы. С хэштегом фуд-порно². Людям понравилось.

Так что в следующие недели и месяцы я продолжил. Парни дразнили меня лицемером. Потом стали ревновать, потому что то, что я постил, работало. Людям нравилось. Признаю, моя внешность тоже помогала. Об этом говорилось во многих комментариях. Об этом и о моей физической форме. Скоро меня стали называть «Горячий Чарли», звать на свидания в сообщениях и даже отмечать меня в постах с признаниями в любви и пожеланиями иметь от меня детей. Такое внимание не проходит бесследно. Не хочется останавливаться. И я продолжал. Все в моей жизни стало документироваться. Ну, почти все. Определенный, очень фотогеничный срез моей жизни. Обработанный, отрегулированный по цветам и зафильтрованный до чертиков, прежде чем быть представленным в лучшее время дня «моей аудитории».

Тогда я был чуть более дерзким. Встречались умеренно пикантные кадры или мои фото, идеально взъерошенного, только что проснувшегося в постели другого парня, с хэштегом утро-после-вчерашней-ночи. Один или два снимка наших с Арчи задниц на вершине какой-то горы во время отпуска. Но я полностью их вычистил, когда начал встречаться с Мэттью. Просто он казался таким безупречным. Таким идеальным. Это действительно заставило меня посмотреть на фото в моей ленте со смущением, устыдиться, что я когда-то считал подобные детские глупости привлекательными или симпатичными. Я в одночасье переключился на приукрашенную, идеальную картинку жизни молодой пары в Лондоне. Тем более, что в комплекте с Мэттью, так сказать, шел маленький Титус, которому в то время не было и девяти лет, совершенно очаровательный, как любой ребенок. На самом деле мой жизненный план не предусматривал детей... пока я не увидел Мэттью с Титусом. И понял: это то, что мне нужно. Быть частью этого. Принадлежать к такому целому. Так я стал папой, как Мэттью, и скоро у Титуса было два образцовых отца, и мы стали умильными однополыми королями «Инстаграма».

Я не был наивным и знал: многие любят нас, потому что мы родители-геи, и не обратили бы внимания на наши фото, если бы мы были парнем и девушкой. Периодически приходилось сталкиваться и с грубостью – сначала такие комментарии меня беспокоили, но потом я лишь закатывал глаза и пожимал плечами. Не все давалось легко. Над фотографиями наших «весе-

² Идеализированное визуальное изображение еды в рекламе, блогах, кулинарных шоу и других визуальных медиа.

лых прогулок» приходилось слегка потрудиться. Некоторые требовали кропотливой постановки, чтобы выглядеть спонтанными и естественными. Мои подписчики заглатывали их, лайкая фотки одинокого очаровательного плейбоя, ставшего семейным человеком, с настолько идеальной семейной жизнью, словно она создана в лаборатории.

Однако, недостаточно идеальной для моей мамы. Она считала это пустым и поверхностным и, пока я фотографировал улыбавшегося Титуса с куском кекса в руке и наклонившегося к нему Мэттью с широко разинутым в притворной жадности ртом, коротко покачала головой.

– Людям такое нравится, мам, – сказал я, просматривая получившиеся снимки и выбирая те, на которых в глазах Титуса светилось нужное количество естественного счастья. – Это мило. Это сладко. Это забавно.

– Как скажешь, – ответила мама, поднимая с одного из диванов брошенный там «Обсервер», чтобы просмотреть ежемесячное кулинарное приложение. Саму газету она никогда не читала, считая ее левой газетенкой.

– Удачно сходили по магазинам? – спросила она, просматривая статью Найджела Слейтера с полезными советами по садоводству.

Я прошел мимо нее и сел на диван напротив, держа в руке тарелку с двумя печеньями.

– Да, купили книгу, которую я хотел, и продукты для ужина.

– И познакомились с новой подругой, – крикнул Мэттью из кухни.

Я немного поерзал на диване, вытянув из-за подушки один из джемперов Мэттью и перекинув его через подлокотник.

– Новую подругу? – с интересом спросила мама. – Вас не было всего-то час с чем-то!

Она обернулась, глядя на Мэттью поверх своих очков для чтения. Он вышел из кухни, вытирая руки от сахарной пудры посудным полотенцем. Он сразу же заметил, что я все еще в обуви – он всегда ревностно следил за чистотой кремового ковра – но не стал пилить меня в присутствии моей мамы.

– Да, очаровательная молодая женщина по имени Рейчел. Чуть не врезались в нее в «Маркс и Спенсер», хотя Чарли встретил ее раньше. Она присоединится к моему книжному клубу.

При этих словах я нахмурился. Он так говорил, будто мы с Рейчел давние друзья.

– Мы всего лишь столкнулись в «Уотерстоунс» несколькими минутами ранее.

Последнее прозвучало похоже на оправдание, и думаю, что мама заметила.

– Может быть, тебе тоже присоединиться к книжному клубу? – сказала она мне. – Будет, чем заняться.

Подобные мамины замечания регулярно меня раздражали. Пару дней в неделю я работал из дома, но по ее словам выходило, что я практически безработный.

– Думаю, мне и так есть, чем заняться, – коротко ответил я.

Мэттью подошел ко мне и сел на диван, тоже с тарелкой в руках, хотя на его тарелке лежал большой кусок кекса, с которым я их фотографировал. Его тепло, аромат лосьона после бритья, смешанный с запахом свежеспеченного кекса, моментально ослабили мое напряжение. Мэттью приобнял меня одной рукой и сказал:

– Почему бы тебе не прийти на нашу следующую встречу? Рейчел будет приятно видеть еще одно знакомое лицо.

– Может быть, – еле заметно кивнул я и вывернулся из-под руки Мэттью, пробормотав что-то о необходимости помыть руки.

Больше тему книжного клуба мы не поднимали и оставшуюся часть воскресенья провели, как обычно, – гуляли в парке, а вечером поужинали вне дома – в счастливом неведении о том, что шагнули прямиком в ловушку.

Глава 2

Рейчел

За двенадцать месяцев до

Для всех было лучше, что я покидала Йоркшир. Дерьмовая работа общей девочки на побегушках в унылом садовом центре не была пределом мечтаний, и я все еще не решила, что делать с маминым наследством. Идея сидеть на неиспользуемом банковском счете, при этом снимая комнату над гаражом моего менеджера, не радовала. Растраченные возможности. Рассточительство. Некоторым нравится иметь под рукой кучу денег. Но не мне. Каждый фунт и пенни отмечены катастрофой из прошлого. И использовать их означало бы посмотреть в лицо этим демонам. Так что я не могла решить, как распорядиться деньгами, до того дня, когда открыла «Инстаграм», чтобы быстренько пролистать ленту во время затишья между расстановкой кадок и удобрений. И в тот день моя жизнь изменилась навсегда.

Это был хэштег. #ВыпечкаПоВыходным. Я нажала на него, увидев в своей ленте фото аппетитного бананового кекса с карамелью и решив посмотреть похожие фото. И внезапно нашла его. Мужчину из моих снов. Моих кошмаров. Моих мыслей. Конечно, он был старше. И возраст ему шел. Он из тех везунчиков, которые спокойно несут свои легкие морщины, словно говоря миру «смотрите, какой я очаровательный и как наслаждаюсь жизнью», а не «я приближаюсь к сорока со скоростью потерявшего управление поезда». На фотографии он стоял с другим мужчиной и мальчиком лет четырнадцати-пятнадцати. Его рука лежала на плече мальчика, а перед ними стояло четыре разных кекса с разной глазурью. #СубботняяВыпечка. Они выглядели так... идеально. Кухня была совершенно прекрасна, с блестящей мраморной столешницей, глянцевым американским холодильником за их спинами и дорогущим орбитальным миксером сбоку. И все трое были одеты в мягкую, дорогую одежду, которую хотелось потрогать. Все эти детали заставили меня упасть на колени, а затем и на пол, так что я сидела, как странный ребенок, неуклюже скрестив ноги рядом с ведрами удобрений, а дождь громко барабанил по крыше садового центра.

– С вами все в порядке?

Я подняла затуманенный взгляд на женщину среднего возраста. В одной руке она держала маленький терракотовый горшок, а в другой закрытый зонт, и, похоже, растерялась, обнаружив меня сидящей на полу в углу, с телефоном, хотя по моей униформе было ясно, что я сотрудница центра и должна работать. Я уставилась на нее в ответ, быстро вычислив, к какому типу клиентов она относится – посетители среднего возраста и среднего класса, которые частенько заглядывали к нам в такие дни недели. Из тех, чей муж зарабатывает достаточно денег, чтобы они мотались по садовым центрам в середине рабочего дня, покупая лишнюю герань или ненужное приспособление, а потом встречались с подругой за ланчем в примыкающем кафе.

– Эй? Вы меня слышите?

Женщина все еще склонялась ко мне, и выражение ее лица – вероятно, реакция на отрешенное выражение моего – выдавало опасения, что я в какой-то мере безумна. Одна ее рука бессознательно потянулась к сумочке, словно я могла вдруг вцепиться в нее и выбежать за дверь.

– Я вас слышу, – сказала я не так вежливо, как следовало сотруднику. Но в тот момент я не могла сосредоточиться на ней. Мне было необходимо вернуться к своему телефону. Убедиться, что моя находка реальна, а не плод воображения. Я чувствовала гладкость зажатого в руке корпуса и, вставая, поднесла его ближе.

– Что ж, хорошо, я просто хотела проверить. В таком случае у меня есть вопрос, с которым вы могли бы помочь. Несколько недель назад у вас продавались маленькие украшения с

пальмами, в которые можно ставить маленькие свечи, и я купила одно, а Отис, мой лабрадор, баловался и уронил его. И я хотела купить другое, только вижу, что стенд убрали...

Я старалась не шевелиться, пока она рассказывала мне все это, хотя и чувствовала, что меня слегка шатает.

– Да, это был летний стенд. Сейчас мы выставляем рождественский декор, так что...

Лицо женщины осталось пустым.

– Рождественский?

Я кивнула:

– Да, рождественский.

Я опустила глаза на экран телефона. Еще больше часа до того, как я смогу уйти домой. Как же я ненавидела быть привязанной к посменной работе. Мне хотелось вновь быть свободной. Хозяйкой самой себе. Делать, что хочу. Идти, куда хочу. А не отмечать время прихода и ухода, помнить об уважении к боссу, которому я еще и плачу за аренду. Уже много месяцев я чувствовала себя в ловушке, и теперь эта глупая женщина портила то, что должно было стать важным поворотным моментом в жизни, поднимая все на поверхность. Все раздражение, всю злость, всю боль.

– Извините, но сейчас август, – сказала она, глядя на меня, как на инопланетянку. – Я правда думаю, что еще рано беспокоиться о Рождестве.

В другое время я бы с ней согласилась, но в этот день говорить мне такое было ошибкой. Меня потряхивало и бросало в жар, я огляделась по сторонам, высматривая, смогу ли перепоручить ее кому-то другому, но увидела только Рут, которая в другом конце здания, в отделе для животных, помогала пожилому мужчине выбирать поводок для собаки.

– Ау? – сказала женщина. – Я вас утомляю?

Это меня и взорвало. «Я вас утомляю?» Серьезно, она сама напросилась.

– Да, вы меня утомляете. На самом деле, меня утомляет все это, – я обвела рукой вокруг. – И, если быть честной, не все могут позволить себе закупаться к Рождеству в декабре, потратив на это несколько дней и загрузив большой кучей в свой «Рендж Ровер». Некоторым приходится растягивать расходы, потому что они живут от зарплаты до чертовой зарплаты без всякой надежды на кредит. Так что в следующий раз, когда увидите в продаже рождественские открытки, шоколад или украшения слишком рано для себя, просто подумайте: «Что ж, по крайней мере мне достаточно повезло, что не приходится копить пенни на гребаных «Героев» от «Кедбери».

К концу тирады я слегка задыхалась. Женщина выглядела ошарашенной. Секунды растянулись в вечность. Дождь стучал по стеклянному потолку над нами. А когда мои слова наконец дошли до нее, она ухватилась за единственное, к чему прибегают ей подобные.

– Я хотела бы подать жалобу.

Я стояла неподвижно, глядя на нее и стараясь успокоить дыхание. Через несколько секунд она продолжила:

– Назовите свое имя. Оно понадобится мне при разговоре с вашим руководителем. Не могли бы вы позвать его? Я хочу подать жалобу прямо сейчас.

Ее предположение, что мой руководитель – мужчина, взбесило меня еще больше. Но я не успела ответить резкостью, как за спиной раздалось:

– Нет необходимости посылать за мной. Я здесь.

В обычно мягком голосе Аллена, моего менеджера, слышалась твердость. Более директорская, чем обычно.

– Рейчел, пожалуйста, подожди меня в кабинете. Я скоро приду.

Я не смотрела на него. Не могла. Мне было неловко, и я злилась и на женщину, и на себя. Я вышла через двери справа от меня и зашла в его маленький кабинет. Только сев на один

из неудобных пластиковых стульев, я разблокировала телефон и снова уставилась на фото, с которого все началось.

Его фото.

И я знала: ничего из того, что может сделать Аллен – никакой выговор, дисциплинарное взыскание или увольнение, – не сравнится со сногшибательной мощью этого фото. С этого дня все остальное в моей жизни стало фоновым шумом. Шумом, который надо выключить, чтобы начать с нуля и заново настроить свою жизнь с одной ясной целью в уме.

Стоило Аллену войти и опустить свое грузное тело за стол, я приняла решение.

– Я хотела бы написать заявление. Я увольняюсь.

Он распахнул глаза:

– Рейчел, я не знаю, что происходит, но в чем бы ни было дело...

– Ни в чем. Я хочу уволиться. И из комнаты я тоже съезжаю.

Он выглядел еще более озадаченным.

– Но... куда ты собираешься?

Я набрала воздуха в грудь и твердо произнесла:

– В Лондон. Я переезжаю в Лондон.

Глава 3

Рейчел

За двенадцать месяцев до

Меньше, чем через час я освободила квартиру. Ровно столько мне потребовалось, чтобы уложить свои основные вещи в чемодан и рюкзак. Остальное отправилось в переработку. Продукты и неоткрытую бутылку обезжиренного молока я оставила у двери Аллена. Он не сердился, а скорее был озадачен моим стремительным отъездом, и вообще был хорошим человеком, так что я подумала, пусть пользуется.

На такси я доехала до папиного дома – нашего старого дома – и перетащила свои пожитки с тротуара к двери. Мне не терпелось войти и заняться поисками.

– Что случилось? – спросил папа, стоило мне войти в дверь.

– Привет, пап, – сказала я. – Я побуду у тебя несколько ночей, пока найду жилье. Хорошо?

Он тараторил на меня с открытым ртом, пока я затаскивала вещи наверх.

– Но... но я не понимаю. Ты же говорила, что тебе очень удобно в квартире над домом твоего менеджера?

Я запыхалась от усилий, а папа так и стоял у подножия лестницы, тараща глаза, слишком обалдевший от ситуации, чтобы подумать помочь мне.

– Не сложилось. И вообще, «квартира» слишком громко сказано, и она над гаражом, а не над домом. Так будет лучше.

В конце концов папа ушел, сказав, что купит нам на ужин рыбу с картошкой фри. Крикнув «спасибо», я достала из сумки ноутбук и подключила его к розетке на стене, затем проделала то же самое с телефонным проводом. Села за письменный стол, за которым двадцать лет назад писала свои школьные эссе, и вошла в «Инстаграм» через браузер на ноутбуке. Имя пользователя я вспомнила без проблем – оно было выжжено у меня в мозгу с первого взгляда. Я просматривала снимок за снимком, изучая каждый кадр, каждый яркий, золотистый квадрат, снятый с единственной целью – показать идеальную жизнь. Его идеальную жизнь. Их идеальную жизнь. Через двадцать пять минут я услышала, как открылась входная дверь, это папа вернулся из магазина.

– Это я, – крикнул он.

«Кто же еще?» – подумала я. Все остальные мертвы.

Через пять минут он крикнул снизу, что ужин готов. Я не возражала. Я выяснила то, что мне было нужно. Все было на виду.

Я торопливо поела с папой в тускло освещенной гостиной, мрачной и тоскливой. Меня раздражало, что он никогда не включал свет, пока не станет совсем темно.

– И какой план? – спросил папа, разглядывая меня, как какое-то чудное, опасное животное, которое видел только в кино, но никогда вблизи.

– План, – сказала я, хрустя кусочком масла с огромной рыбины, которую он мне положил. – Переехать в Лондон.

Он буквально уронил челюсть.

– В Лондон?

– Да, – сказала я, беря соль. – В Лондон. Там... курсы фотографии, которые я хотела бы пройти. Я подумываю вернуться к этому. Я уже больше года ничего толком не снимала.

Он, казалось, задумался.

– Полагаю... полагаю, там такого больше. В Лондоне.

– Да, – кивнула я.

– Но... честно говоря, милая, все не так радужно. Эти банды мальчишек на великах, которые режут людей ножами. Я видел их в новостях. И террористические атаки теперь почти каждый день.

– Не каждый, – закатила я глаза. – И здесь, в Бадфорде, тоже бывают нападения с ножом.

– Не так много, милая. Не так много, как в Лондоне, – сказал он, погрозив мне пальцем, как будто только он знал, как устроен мир.

– Я еду, папа. Мамины деньги до сих пор у меня. Я потрачу их на аренду квартиры.

Это его огорчило.

– Ты всегда говорила, что вложишь их в организацию новой галереи. В поддержку местных художников.

Мне была невыносима мысль снова вести этот разговор.

– Потому что в прошлый раз получилось же так офигительно!

Я сложила нож и вилку и встала.

– Не груби мне. Не я виноват в чертовом кризисе.

– Я знаю, папа. Знаю. Извини, что сорвалась. Мне надо возвращаться наверх. Я подыскиваю квартиры, и это может затянуться. Не жди меня.

Я послала ему короткую, грустную улыбку и оставила его в мрачном одиночестве.

Наверху я включила ноутбук и посмотрела на вордовский документ, который открыла рядом с «Инстаграм» в браузере. Туда я записала все ключевые локации с фотографий, которые выложил Чарли Аллертон-Джонс за последние несколько месяцев. Одно было ясно сразу: за исключением нескольких однодневных поездок и отпусков, семья жила и проводила львиную долю своего времени в Кенсингтон и Челси. Фото были сделаны либо там, либо в Белгравии, Пимлико или других районах центрального Лондона. Похоже, они почти никогда не осмеливались зайти в восточный Лондон или очень далеко на юг, или, по крайней мере, если и забредали, то не документировали свои путешествия туда для всего мира. Чарли был достаточно осторожен и не показывал точные адреса, но под фото Чарли в гамаке, как я предположила, в их саду обнаружился комментарий «Тяжелая жизнь экипажа Карлайл-сквер» с подмигивающим смайликом. Манера общения Чарли и пользователя походила на дружескую, и этот друг выдал важную деталь. Я погуглила Карлайл-сквер и узнала, что та действительно находится в Челси, рядом с Кингс-роуд.

Я занялась поисками на сайтах аренды жилья. Цены были заоблачными. Конечно, я знала, что Лондон – дорогой город, но цены за однокомнатную квартиру с кухней и ванной меня шокировали. Через полчаса я была готова заплакать. Мне была невыносима мысль снимать квартиру с кем-то – мысль жить с группой двадцатилетних «молодых профессионалов» приводила меня в ужас. Двадцатипятилетние, спешащие на работу, полные оптимизма юности и всего того, о чем я думала, когда открывала свою галерею и верила, что действительно могу быть фотографом и вести бизнес, и что людям будет не все равно. Может, все это было сном?

В конце концов мне пришлось отказаться от поисков квартиры в Челси. Было несколько в том же боре, но я оказалась бы в прямом смысле за много миль, на другой стороне Гайд-парка, а мне отчаянно этого не хотелось. В итоге я нашла квартиру в Вестминстере, которую с трудом могла себе позволить, если буду жить, как настоящая нищая, на готовых блюдах по скидкам и консервированных супах. Квартира находилась в микрорайоне Черчилль-Гарденс в Пимлико. Оттуда до Карлайл-сквер около получаса пешком. Не идеально, но вполне выполнимо.

Смогу ли я действительно это сделать? Несколько минут я обдумывала этот вопрос. Затем позвонила в агентство, указанное в описании квартиры. После трех гудков мне ответила женщина со скучающим голосом.

– Здравствуйте, – сказала я, стараясь казаться уверенной и твердой в своем решении. – Меня зовут Рейчел, и я хотела бы снять квартиру на Черчилль-Гарденс-роуд в Пимлико, которую вы предлагаете.

Глава 4

Чарли

День убийства

Полицейский, который приходит за нами с Титусом, наблюдает, как мы снимаем одежду, которую затем помещают в чистые пластиковые мешки. Нам вручают спортивные штаны и кофты из синтетики, которая потрескивает и слегка неприятна телу. Затем нас везут в полицейский участок Белгравии. И начинаются допросы.

Нас с Титусом разделяют, хотя все очень любезны и поддерживают. Доброжелательная женщина в форме говорит мне, что такова процедура, и что им просто нужно побеседовать о том, что произошло.

– Титусу только пятнадцать, – говорю я. – Я хочу быть с ним.

Мне отвечают, что это возможно, и провожают в комнату с диванами, где Титус в одиночестве сидит возле дальней стены. Следом за мной заходит другой полицейский и ждет с нами. Они следят, чтобы мы не начали сверять показания? Вырабатывать стратегию? Или все это нормально?

Я на пределе, и до меня доходит реальность ситуации. Я злюсь на себя, что не поговорил с Титусом как следует до приезда полиции, но теперь шанс упущен, и скоро приходит мужчина среднего роста и телосложения с темными волосами и румяным лицом.

– Чарльз Аллертон-Джонс? – спрашивает он, глядя на меня.

– Да, – отвечаю я.

– Нам нужно официальное заявление от вас о том, что произошло. Я понимаю, что это очень тяжело, и вы потрясены таким испытанием, но не сомневайтесь, мы делаем все возможное, чтобы разобраться в случившемся. Женщина, которая вызвала полицию, сейчас под стражей и призналась в убийстве вашего мужа. Однако, я уверен, вы понимаете: нам очень важно как можно быстрее узнать вашу версию и версию вашего сына.

Его слова впиваются в меня крошечными иголками, каждое задевает чувствительную часть мозга. «Потрясены. Призналась. Убийство». Наконец я поднимаю на него глаза и говорю:

– Я хочу остаться с Титусом.

Сержант Стимсон смотрит на мальчика, который, опустив голову, пялится в пол.

– Мы предпочли бы поговорить с вами наедине, мистер Аллертон-Джонс. Титуса не будут опрашивать без вашего присутствия или хотя бы без вашего ведома. Вы можете вызвать кого-нибудь, чтобы побыть с ним?

Я киваю:

– Мою маму... но ваши коллеги забрали мой телефон.

– Вы можете воспользоваться местным телефоном.

Он провожает меня в коридор. Уходя, я успокаивающе, как надеюсь, улыбаюсь Титусу, но он не отрывает глаз от коврового покрытия.

Я звоню маме, затем отцу, но к моей ярости ни один из них не берет трубку. Я снова набираю маму и оставляю сообщение, чтобы она приехала в полицейский участок Белгравии и что случилось нечто ужасное. Закончив, я переживаю, что не уточнил, что мы с Титусом целы и невредимы, но все же сержусь, что не смог дозвониться до них сразу.

После меня отводят в допросную. Она серая и унылая – более обыкновенная, чем высокотехнологичные, космические помещения, которые показывают в фильмах по телевизору. Тон сержанта Стимсона варьируется от жестко-официального до деликатно-сочувствующего.

– Пожалуйста, начните с самого начала.

Я набираю воздуха в грудь, затем решительно смотрю ему в глаза и бессовестно вру:

– Рейчел убила моего мужа. Она прервала наш ужин, схватила со стола кухонный нож и всадила в него.

Глава 5

Рейчел

День убийства

Допрос в полиции длится недолго. Меня задерживают, зачитывают права, выдают одежду, мои вещи забирают, а затем провожают в камеру, где я жду несколько часов. Затем сержант уголовной полиции Даррен Стимсон начинает допрос. Во всяком случае, пытается.

В допросной холодно, кондиционер шпарит на полную. Похоже, те, кто обслуживает участок, еще не догадались, что лето окончательно свернуло к прохладе. Но даже так сержант Стимсон как будто испытывает прилив жара, он повесил пиджак на спинку стула и периодически расслабляет галстук. Возможно, у него высокое давление или проблемы с щитовидкой.

– Рейчел, нам очень поможет, если вы дадите нам целостное представление. Это может повлиять на ход дела в суде. Если бы мы только знали, почему вы сделали то, о чем сказали. Расскажите мне про вечер, шаг за шагом.

Он уже говорил это. «Шаг за шагом». Не вижу смысла делать то, что он просит, помимо того, что уже сказала им. Так что я решаю, что теперь моя очередь повториться.

– Как я уже сказала, я убила Мэттью Аллертона-Джонса. Зарезала ножом. Я больше не хочу говорить об этом.

Последнее хотя бы правда. Потому что я действительно не хочу вдаваться в подробности, не сейчас.

– Думаю, мы сделаем перерыв, – говорит сержант Стимсон.

Похоже, ему не терпится выбраться из допросной. Наверное, чтобы умыться холодной водой.

Прежде чем меня уведут, я спрашиваю его, когда мне предъявят обвинение. Он странно смотрит на меня, как будто не может разгадать.

– Это еще не решено, – наконец говорит он.

Я ругаю себя, садясь на мягкую лежанку в своей камере. «Слишком настойчиво», – думаю я, опираясь спиной на стену, наслаждаясь звяканьем и приглушенными звуками полицейского участка. Надо действовать тоньше. Чтобы это сработало, мне надо оставаться тихой, и дать полицейским делать свою работу и видеть то, что они хотят. Это все, что от них требуется.

Глава 6

Рейчел

За одиннадцать месяцев до

Переезд в мою новую арендованную квартиру в Лондоне оказался суровым испытанием. Я воздержалась от покупки новых чемоданов или дорожных сумок – у меня было не так много вещей, и мне понадобятся все деньги, которые можно сэкономить. Я пожалела об этом решении, когда молния старого чемодана разошлась, пока я затаскивала его в лифт, чтобы подняться на третий этаж. Моя одежда разлетелась повсюду, смешавшись с грязными следами и разбросанными рекламными листовками.

– Ох, не повезло, милая. Вот, у меня есть несколько хозяйственных сумок.

Это сказала пожилая женщина, улыбаясь мне сверху. Я была так благодарна, что едва прошептала спасибо, закидывая джемперы и носки в сумки «Теско», которые она мне дала.

– Вы переезжаете? – спросила она, глядя на два рюкзака, которые я бросила в попытках запихать главный чемодан в лифт.

– Да, – ответила я. – Мне нужна тридцать вторая квартира. Кажется, это на третьем этаже. Женщина просияла, широко улыбнувшись губами в красной помаде.

– Да. Это рядом с нами.

Она сказала «с нами» так, будто живет не одна, так что я предположила, что у нее есть семья или по крайней мере партнер. Я попыталась угадать ее возраст, хотя из-за макияжа это было трудно. Слишком насыщенный цвет красно-коричневых волос наводил на мысли о краске, и, приглядевшись повнимательнее, я заметила несколько морщинок вокруг ее глаз. Вероятно, ей было сильно за пятьдесят, а то и шестьдесят.

– Я Аманда, – тепло сказала она.

Мне показалось, что я уловила легкий северный акцент в ее словах, и меня подмывало спросить, откуда она, но я опасалась, что это прозвучит грубо.

– Идемте, – кивнула она на лифт. – Давайте поднимем ваши вещи наверх.

Она помогла мне донести вещи до самой квартиры и, похоже, была счастлива затащить две сумки внутрь, когда я отперла дверь.

– О, тут миленько, – сказала она, когда мы вошли.

Она врала из вежливости. Квартира не была миленькой. Она была мрачной и маленькой, с потертым ковром и узким коридором. По крайней мере воздух пах чистотой. Я прошла по коридору в кухню.

– У вас такая же квартира? – спросила я, со стуком поставив сломанный чемодан на столешницу.

– Да, ну, наша немного посветлее, думаю, но в общем такая же. Я живу с мужем, Нилом. Нам было интересно, кто снимет эту квартиру. У нас была... – она слегка понизила голос. – У нас была проблема раньше. Я имею в виду, с предыдущим жильцом. Он слушал ужасную музыку на умопомрачительной громкости. Не знаю, что это была за музыка; звучало, как будто кто-то пинает мусорные ящики и одновременно режет скотину. Мы думаем, что к тому же он был наркоманом, но вряд ли это такая уж редкость, как нам хотелось бы думать.

Она покачала головой.

Я кивнула, не зная, что ответить на подобное, но Аманде, похоже, совершенно не требовалось поощрение.

– А до него здесь жила молодая женщина по имени Карли, которая... – теперь ее голос опустился до шепота. – Убила себя. – Аманда едва заметно вздрогнула, как будто ее до сих пор тревожило воспоминание. – Бедняжка. Думаю, у нее были глубокие, отчаянные проблемы.

Возможно, наркотики тоже. Я никогда особо не общалась с ней, однако слышала, что она приехала из Клапема. Мы подозревали, что она работала... ну, знаете... ночной бабочкой. К ней ходило много джентльменов.

И снова мне было нечего добавить к сказанному, хотя я еще больше беспокоилась о том, какими могут оказаться мои соседи с другой стороны. Хотя эта Аманда была сплетницей и немного раздражающей, по крайней мере она казалась относительно безобидной и нормальной. Словно прочитав мои мысли, она внезапно сказала:

– Ох, но я не хочу вас отговаривать, милочка. На самом деле, Пимлико прелестный район. Я знаю, наш квартал не назвать живописным местом, но на здешних улицах так много истории. Разных интересных людей.

Она широко улыбнулась своими красными губами:

– Что ж, я лучше оставлю вас распаковывать вещи. Если вам что-то понадобится, не стесняйтесь попросить.

Оставшуюся часть дня я разбирала вещи. Это не должно было затянуться, но меня начала охватывать знакомая тревога, когда я находилась вне привычной среды, в окружении неизвестности и неопределенности. Аккуратное складывание одежды и убирание ее в белый комод из «Икеи» помогло немного успокоиться. После мне нужно было подумать о еде. Приятно, что холодильник оказался хорошим и чистым – он выглядел новеньким – и для такой маленькой кухни в ней было на удивление много мест хранения. Я положила ключи в карман, надела пальто и, спустившись по лестнице, вышла из подъезда.

Мой дом находился в центре жилого квартала, и, чтобы выбраться на главную улицу, пришлось поплутать по лабиринту. Немного погодя я вышла на улицу Глазго-Террас. Я уже собралась достать телефон, чтобы включить «Гугл Карты», но заметила идущую в мою сторону компанию парней в капюшонах и решила не подвергать их искушению. Они прошли мимо меня без комментариев, а я с целеустремленным видом зашагала в противоположную сторону. Я подождала, пока снова останусь одна, а затем быстренько поискала в сети ближайшие супермаркеты. Недалеко располагались два магазина «Сэйнсбери», а также огромный универсам в районе Найн-Элмс на другом берегу реки. До него пришлось пройти, но выглянуло солнце, и, хотя в воздухе уже ощущалась осенняя прохлада, вечер все равно был приятным. Я решила, что прогулка на свежем воздухе – как раз то, что мне нужно. Я застегнула молнию на толстовке до самого подбородка и направилась по улице, следуя маршруту, проложенному приложением с картами, пока не вышла на большую, оживленную улицу.

Дорожный шум – автомобильные гудки и рев моторов – контрастировал с относительно тишиной внутреннего Пимлико. Я пошла вдоль дороги к мосту и дошла до середины. Там я остановилась и смотрела. Просто смотрела. На текущую Темзу. На стремящиеся ввысь футуристические многоэтажки Воксхолла. На впечатляющий вид электростанции «Баттерси» в окружении подъемных кранов. И, с другой стороны, чуть дальше по реке, легко узнаваемую форму «Лондонского Глаза».

Я здесь. В Лондоне. Месте, которое за тридцать два года своей жизни посещала всего дважды. Несколько минут я была полностью в моменте, полная оптимизма, надежды и трепета от впечатляющей смены обстановки, которую устроила сама. А потом, словно по щелчку выключателя, я помнила только, почему сделала это. Цель всего этого. «Ты здесь не ради удовольствия», – сказала я себе. Я глубоко вдохнула холодный вечерний воздух и пошла дальше по мосту в Воксхолл за покупками.

Глава 7

Чарли

За одиннадцать месяцев до

Мэттью годами просил меня присоединиться к его книжному клубу. Это было практически первое, о чем он попросил меня, когда мы пошли на свое первое официальное свидание.

Мы ужинали в «Манговом дереве», поскольку оно находилось относительно близко к квартире на Эклстон-сквер, в которой я тогда жил. Она была темной и маленькой, и родители постоянно говорили, чтобы я купил что-нибудь получше, но маленькое пространство вполне меня устраивало, в то время как моя карьера в маркетинге шла вверх. Я опоздал (не мог найти ботинки), и Мэттью уже сидел за столиком, читая книгу. Для меня это само по себе было серьезным сигналом тревоги. Кто приносит в ресторан книгу? На свидание? Я знал, что Мэттью был довольно тихим и любил читать, когда мы вместе учились в школе, но к такому уровню я не был готов. Когда я сел напротив него, ему хотя бы хватило совести слегка смутиться и отложить книгу, прежде чем поприветствовать меня своей очаровательной, теплой улыбкой. Я тотчас понял, что нас ждет что-то особенное. Понял, что был прав, когда послушался совета нашего общего друга Арчи и встретился с Мэттью спустя столько времени. Это будет не заурядный секс на одну ночь с непонятным знакомым из прошлого. Это нечто более существенное. Более настоящее.

Когда мы заговорили о книгах, Мэттью сказал:

– Ты должен прийти на встречу моего книжного клуба. У нас несколько странная компания. Но твоя крестная Мерил бывает всегда, так что у тебя будет знакомая.

Думаю, при этих словах я скривился.

– Да, она говорила несколько раз. Я и правда думал, что для женщины ее возраста необычно проводить вечер в компании молодых людей, обсуждая пошлые романы.

Мэттью широко улыбнулся:

– Кто говорит, что наши романы пошлые? У нас разноплановый ассортимент. И в любом случае, там не только Мерил. Еще Джером; им с Мерил обоим, наверное, за шестьдесят. И Анита тоже.

– Джером? – спросил я, подняв бровь. – Не Джером Найтли?

Он с улыбкой кивнул.

– Единственный и неповторимый. Сейчас он мало играет. Всего несколько эпизодов в странной романтической комедии. Они с Мерил давние знакомые.

– А Анита? Кажется, я ее не знаю.

Мэттью глотнул вина и слегка поморщился:

– Боюсь, она немного нытик. Невестка Джерома, хотя мы думаем, что сейчас они с его сыном разошлись. С ее стороны было бы более нормальным несколько отдалиться от своего свекра, когда она ушла от его сына, но по какой-то причине она продолжает приходить. Пьет слишком много вина. Много жалуется, какую бы книгу мы ни читали. Все время старается уколоть Джерома.

– Она нашего возраста?

Мэттью рассмеялся:

– О Боже, нет. Всего на двенадцать лет младше своего свекра; это и делало ее брак с его сыном Гарри немного странным. Между ними разница в девять лет, кажется.

Я налил себе еще вина.

– Не такая уж большая разница в возрасте. Я видел и хуже.

Мэттью понимающе сверкнул глазами:

– Ты имеешь в виду себя и твоего аристократического бывшего?

Я, посмеиваясь, откинулся на спинку стула. Мне нравилось, что он так рано меня поддразнивает.

– Между мной и моим аристократическим бывшим, как ты его называешь, было чуть больше десяти лет разницы. И это самая большая разница, которую я когда-либо считал допустимой.

Мэттью продолжал улыбаться:

– Ну, между нами всего год.

Я почувствовал, как по рукам побежали мурашки. Зуд предвкушения. Дрожь предназначения, как сказал бы кто-нибудь более эксцентричный, чем я. Ощущение сдвига тектонических плит жизни навстречу новому будущему.

– Действительно, – сказал я.

В тот вечер домой я пошел с Мэттью. Мы почти сразу же стали парой. У нас никогда не было этого смутного периода «встречаний». На следующей неделе меня представили Титусу, который был ангельским ребенком и, казалось, боготворил Мэттью. В течение месяца я начал проводить больше времени в их квартире рядом с Мраморной Аркой. Понемногу перевез свои вещи. Мэттью смирился с моей привычкой оставлять повсюду недопитые чашки чая, разные носки и старые газеты. Я пытался привыкнуть к его аккуратности. И очень быстро, после того как я продал квартиру на Экклстон-сквер, две наши раздельные жизни объединились в одну. Все чудесно совпало. Но тем не менее я так и не присоединился к его книжному клубу. Просто мне казалось странным, когда группа людей – настолько разных людей разного возраста – встречается, чтобы обсудить книгу, которую, вероятно, только бегло прочитали. Или хуже, изучили дословно, чтобы устроить по-настоящему глубокомысленную дискуссию о мотивации персонажа и его эмоциональном пути. Я хочу сказать, что люблю Мерил, и она всегда была очень привязана ко мне, но мысль о том, как она обсуждает последнюю работу Рушди со стареющей кинозвездой и его язвительной невесткой... ну, все это казалось слишком диким. Так что я сопротивлялся очаровательным попыткам Мэттью заставить меня присоединиться, шли годы, а я так и не поддавался.

Конечно, до тех пор, пока в нашей жизни не появилась Рейчел.

– Я просто не понимаю, почему сейчас? Не пойми неправильно, я рад, что ты присоединишься. Просто раньше казалось, что это не твое. Я думал, ты поэтому всегда уходил, когда мы собирались здесь.

Все это Мэттью произнес, пока выходил из душа, чуть поскользнувшись, когда перематывал коврик, в спальню. Он начал вытираться полотенцем, бисеринки воды долетали до меня, сидевшего на кровати и слушавшего вполуха. Не знаю почему, но у меня возникло странное подспудное чувство тревоги насчет вечера. Однако, похоже, Мэттью подозревал причину.

– Это из-за нее? Из-за Рейчел? Поэтому ты придешь?

Я поднял на него глаза и пожал плечами. Я накладывал фильтры на фотографию в приложении. На самом деле, она больше не требовала доработок, но меня одолевало странное беспокойство, и мне нужно было на чем-то сосредоточиться.

– Чар-р-ли? Алё?

Иногда он произносил мое имя нараспев, слегка растягивая букву «р», что всегда меня подбешивало.

– Это не из-за Рейчел. При чем тут она?

Говоря это, я не смотрел на него нормально, только на мгновение поднял глаза, а затем продолжил заниматься цветом, контрастом и тенями.

Краем глаза я заметил, что Мэттью остановился, затем услышал, как он вытирает волосы. Удивительно, как быстро все меняется. Когда-то я был не в состоянии усидеть на месте, если

он обнаженный стоял так близко ко мне. Я бы притянул его к себе, аромат его чистой после геля для душа кожи вызвал бы во мне волну влечения, я был бы не в состоянии игнорировать отчаянное желание уложить его в постель и чтобы он обнял меня своими сильными ногами. Но, подобно потерявшей яркость новогодней гирлянде, теперь возбуждение вяло и ненадолго всколыхнулось в моем теле, а затем растаяло так же быстро, как и возникло.

«Господи, – подумал я, когда Мэттью наконец отошел от меня, чтобы натянуть боксеры из комода. – Мы уже достигли этой стадии? Отсутствие интереса и равнодушие к телам друг друга?» Нам всего тридцать с небольшим, твою-то мать. Неужели тогда все начало вянуть и умирать?

– Я иду не из-за Рейчел.

Это была ложь, и я думаю, что он это знал. Если мне случалось соврать ему, будь то насчет моего местонахождения («Я сейчас работаю», то есть смотрю «Нетфликс» на своем «Айпаде» в кабинете) или разбора одежды, которую надо отнести в химчистку («Конечно, все готово», то есть скоро я этим займусь), я ощущал в воздухе странную электрическую пульсацию, которая присутствовала, даже если его не было в одном помещении со мной. Как будто мое сознание наказывало меня за нарушение своих самых заветных ценностей: верности и честности.

– И ты прочитал книгу?

Я раздраженно вздохнул:

– Да, я же говорил. Когда мы были в отпуске. Слушай, кажется, я даже постил это в «Инстаграме». Подожди.

Я переключился между приложениями в телефоне и начал прокручивать ленту.

– Мне не нужны фото-доказательства...

– Но ты их получишь, хочешь ты того или нет, – ответил я наигранно сердитым голосом, чтобы показать, что на самом деле не злюсь.

Злился ли я? Я не очень понимал, что чувствую. У меня было то странное, слегка дезориентирующее ощущение, будто мы стоим на пороге чего-то не слишком приятного. Дурное предчувствие, какого я никогда раньше не испытывал.

Титус делал уроки в своей комнате, а мы готовили дом к нашествию членов книжного клуба.

– Над чем работаешь? – спросил Мэттью, когда мальчик вышел стянуть кусочек кекса.

– Война Роз, – ответил тот, вытянув руки и повиснув на дверном косяке.

В последнее время он ударился в рост, и сейчас находился на той стадии, когда подростки путаются в длинных конечностях, непривычные к своему росту или быстрым изменениям, через которые проходит их тело. В возрасте Титуса я был таким же. Я был зверски голодным. Каждую секунду каждого дня. И всегда чувствовал себя, будто готов пробежать милю или четыре, даже в одиннадцать вечера, после долгого дня учебы в школе и тренировок по регби. Хотя Титус не был в точности таким. Аппетит его поменялся не очень сильно, и он не стремился заниматься спортом за пределами школы. В сущности, если подумать о количестве физподготовки в его школе, в этом не было ничего удивительного.

– Я возвращаюсь наверх. Хорошо провести время с книжными друзьями, – пожелал он, спрыгивая.

– Не ложись слишком поздно! – крикнул ему вслед Мэттью.

– Не слышу вас, отцы! – раздался предсказуемый ответ.

Ему всегда нравилось называть нас обобщенно – отцы. Мэттью иногда жаловался, что это звучит, будто мы служители церкви. Титус ухватился за это и время от времени обращался к нам с деланной почтительностью «отец Мэттью» и «отец Чарли», иногда с легким ирландским акцентом в голосе. В остальное время он называл Мэттью папой, а меня поочередно то папой, то Чарли – обычно, если ему нужно было отдельное указание на одного из нас. Все дет-

ство Титуса Мэттью естественным образом был «папой», поскольку он единственная отцовская фигура, которую ребенок по-настоящему знал. Когда появился я, то некоторое время был просто «Чарли» для милого маленького пятилетки, который всегда приветствовал меня с огромной радостью, когда я заходил в гости к его папе. А потом довольно внезапно и как будто без подсказок он стал называть меня «папа Чарли».

День, когда он впервые это сделал, врезался в мою память. Это было перед выходными, когда я по-настоящему переезжал в квартиру Мэттью у Мраморной Арки. В пятницу вечером я перевозил последние вещи с Экклстон-сквер. Это было вскоре после того, как мама Мэттью погибла в автомобильной аварии в Шотландском нагорье. Он мотался между Шотландией и Англией, и ему было тяжело справляться со всем, имея ребенка, особенно потому, что мама оставалась его единственной близкой родственницей. В тот день он готовил романтический ужин для нас двоих, и я фантазировал про треску с травами и салат, которые он обещал, наряду с чем-нибудь попить – что-нибудь ледяное, поскольку горячий воздух пятницы был непростительно удушающим, а движение вокруг Виктории встало. В довершение всего в моей машине сломался кондиционер.

Когда я наконец добрался до дома и вошел в лифт, где консьерж помог мне с сумками, мне было жарко и досадно, что я опаздываю почти на полчаса. Но стоило мне войти в квартиру Мэттью с кондиционером, как на меня снизошло спокойствие. В квартире было прохладно, тепло, уютно и как надо. Мэттью сидел на диване с Титусом на коленях и читал книжку с картинками, рядом с ним сидела моя крестная Мерил и смеялась, когда Мэттью читал голосом обезьяны или еще кого-то писклявого. Из нас двоих он всегда был более игривым. Более естественным родителем. Я могу без усилий создать непринужденную атмосферу для взрослых, но мне потребовалось время, чтобы привыкнуть быть родителем. Обаяние не поможет, когда строптивому девятилетке кажется, что время сна следует передвинуть на попозже. Мэттью поднял глаза, и на его лице, как всегда, отразилась прекрасная улыбка.

– Смотри, кто пришел, – сказал он Титусу, и ребенок, посмотрев по сторонам, просиял.

Он слез с коленей Мэттью и закричал:

– Папочка Чарли пришел!

Должен признать, что и спустя годы мысли о том моменте все еще вызывают комок в горле. В тот вечер Мерил забрала Титуса к себе смотреть фильмы «Дисней», но, если быть честным, я был не против, чтобы он остался. Потому что это радостное «папочка Чарли» заставило меня понять, насколько особенным все было: это было начало нового этапа нашей жизни. Всех троих, вместе.

Первой на встречу книжного клуба прибыла Анита. Именно тот человек, общаться с которым мне хотелось меньше всего, заявился на целых сорок минут раньше. Иногда она приезжала вместе с Джеромом, своим свекром, если он просил своего водителя остановиться у ее дома в Пимлико по дороге из Мейфэра, но это означало для него крюк, и иногда она решала пройти пешком. После четырехлетнего разрыва она помирилась с его сыном Гарри, и Джерому приходилось снова относиться к ней как к члену семьи, а не как к дальней знакомой, от которой он хотел бы избавиться. Вместе с тем Гарри наотрез отказывался присоединиться к книжному клубу и очевидно рассматривал эти собрания как идеальную возможность пройти с коллегами телевизионщиками по модным барам в Сохо.

– Чарли, дорогой, что ты здесь делаешь? – спросила Анита, когда я открыл дверь.

Она смотрела на меня так, словно на пороге ее приветствовал дрессированный леопард.

– Приятно тебя видеть, Анита, – улыбнулся я.

Она подозрительно посмотрела на меня, решительно шагнула мимо, после чего передала мне пальто, которое висело у нее на руке.

– Я шла пешком, – сказала она, как будто это объясняло ее раннее прибытие. – А где Мэттью? Что происходит? Почему ты здесь?

Она прошла прямо на кухню, несомненно, ориентируясь на теплый свет и аромат выпечки.

– Добрый вечер, Анита, – сказал Мэттью, поднимая глаза от сахарной глазури на одном из кексов, которые они с Титусом испекли заранее. – Ты рано.

– Да, знаю, я шла пешком, – повторила она. – Скажи мне, почему твой муж здесь? Я думала, он ненавидит книги.

Я издал звук, который, как я надеялся, выражал вежливое несогласие.

– Я не ненавижу книги. Я не монстр.

Она бросила на меня еще один подозрительный взгляд, а затем повернулась обратно к Мэттью.

– Думаю, уже достаточно сахара, иначе к концу вечера нам всем обеспечен диабет второго типа. А теперь кто-нибудь ответит на мой вопрос?

Я поднял руки, признавая поражение.

– Я просто подумал, что пора мне присоединиться.

Я улыбнулся, но Анита не ответила на мою улыбку.

– Ты подумал, что пора? После стольких лет? – недоверчиво посмотрела она на меня.

Я усмехнулся:

– Анита, я прямо чувствую твое радушие.

Не успела она ответить, как заговорил Мэттью:

– Он не единственное прибавление. Джером говорил тебе, что придет наша подруга Рейчел?

Анита подошла к кухонному острову, обойдя Мэттью с таким видом, который мне показался бы угрожающим, будь я на его месте.

– Нет, он не говорил. Что значит «ваша подруга Рейчел»? Какая Рейчел? Не Рейчел Эвергрин? Которая крутила роман с сэром Кеннетом Лоуфордом, а потом продала свою историю «Мейл он санди»³?

– Нет, не Рейчел Эвергрин, – терпеливо ответил Мэттью, наливая Аните бокал вина и передавая ей. Второй бокал он показал мне и вопросительно потряс им, и я кивнул. – Эта Рейчел – наша новая подруга.

– Подруга, – сказал я, принимая вино, – это громко сказано.

– Так кто она? – спросила Анита, переводя взгляд с одного из нас на другого.

– Мы столкнулись с ней в магазине. И в итоге пригласили ее на наше маленькое собрание. Анита опустила бокал и посмотрела на Мэттью, будто он только что достал пистолет.

– Ты серьезно? Ты пригласил какую-то случайную женщину присоединиться к нашему книжному клубу? Которую подцепил, пока ходил по магазинам?

Ее изумление вызвало у меня улыбку.

– Если вкратце, то да, – подтвердил я.

Она, раскрыв рот, смотрела на нас обоих.

– Что ж, обалдеть. Где это было?

– На Кингс-роуд, – терпеливо сказал Мэттью. – А именно в «Уотерстоунс». Она недавно переехала, любит читать и хочет найти друзей.

Анита несколько секунд переваривала эти подробности.

– Полагаю, это не так плохо, как могло бы быть. Я боялась, ты скажешь, что это было в «Примарк» на Арчвэй-роуд.

Мэттью фыркнул:

³ Воскресное издание еженедельной газеты «Дейли мейл».

– На Арчвэй-роуд нет «Примарк».

– Откуда мне знать, – сказала Анита, допивая вино. – Я туда не хожу.

– Мы давно говорим, что надо расширяться, – сказал Мэттью. Я понял, что он старается не выдать своего раздражения. – С тех пор как Дуглас и Джордж поженились и выбыли, нас как-то маловато.

Анита выглядела так, словно проглотила осу.

– Поверить не могу, что ты решил, будто пригласить случайного прохожего – верное решение. Я сходу могу придумать кучу более подходящих кандидатов. Я могла бы сделать список. Мы могли бы провести собеседования. Спланировать. Разработать стратегию.

– Это... э... книжный клуб, – тихо сказал я. – А не дополнительные выборы.

– Эйлин Моран, например, – продолжала Анита как ни в чем ни бывало. – У нее много свободного времени с тех пор, как ее обивочный бизнес пришлось свернуть из-за уклонения от налогов. Еще Луиз Келлман, бедняжка. Если кому и нужно отвлечься от невзгод этого мира, так это ей. Или Тимми! Лапочка Тимми Брэйторн. У него никого не осталось теперь, когда жена ушла от него к инструктору по йоге, а затем его кролики умерли от миксоматоза. Вы знаете, как сильно он был привязан к этим кроликам.

– Если я не ошибаюсь, Тимоти Брэйторн все еще живет в Саут-Райдинге, – сказал Мэттью. – Далековато ехать ради книжного клуба.

К этому времени он закончил с кексами и обозревал их с гордостью Пола Голливуда⁴.

Анита повернулась ко мне:

– Так почему ты присоединился к нам? Ты не сказал.

У меня были годы, чтобы привыкнуть к прямоте Аниты, но мне все равно захотелось съезжиться под ее взглядом. Я объяснил ей, что прочитал роман этого месяца во время недавнего отпуска и подумал, что было бы забавно поучаствовать в обсуждении.

– Забавно? – спросила она. Слово явно было для нее новым.

– Да, забавно, – улыбнулся я.

– Это же не имеет отношения к твоему «Инстаграму»?

– О, конечно, – сказал я, отчасти желая подшутить над ней. – Я же смогу сфотографироваться с тобой, правда?

– Конечно нет, – возмутилась она. – Я понятия не имею, что за сомнительные типы заходят в твои соцсети, но я точно не хочу, чтобы на меня глазели или стыдили, или как там это называется.

Я видел, что Мэттью изо всех сил старается не рассмеяться, и слегка закашлял, чтобы скрыть собственное веселье. Анита налила себе еще вина. Я был уверен, что к приходу второго гостя она напьется в стельку.

Через двадцать минут через порог перепрыгнул Джером, счастливый и энергичный, но, увидев опирающуюся на столешницу невестку, вдруг словно превратился в уставшего и утратившего вкус к жизни старика.

– Вижу, Анита здесь, – сказал он голосом, в котором мешались тоска и смирение.

– И довольно давно, – пробормотал я, понимая, глядя на него и надеясь молча передать: «И она уже навеселе». Джером кивнул, моментально меня поняв. – Она шла пешком, вроде бы.

Он поднял бровь:

– Это смело с ее стороны. С тех пор как в районе начались нападения с ножом, она говорила мне, что не будет ходить по улицам после шести вечера.

– Ну, по крайней мере она добралась сюда в целости и сохранности.

Джером отвернулся от Аниты в кухне и внимательно посмотрел на меня.

⁴ Британский шеф-повар, автор кулинарных книг и телеведущий.

– Приятно увидеть тебя, Чарли, – он похлопал меня по плечу. – Однако, не пойми меня неправильно, дружок, но почему ты здесь? Ты никогда не бываешь на наших встречах.

– Просто захотелось присоединиться в этот раз, – слегка пожал я плечами. – И будет еще одна новенькая. Рейчел. На самом деле, с ней вышло немного курьезно. Ее пригласил Мэттью.

Джером кивнул:

– Да, он говорил. Будет хорошо добавить свежей крови. Может, Анита перестанет так выпячиваться.

Он чуть закатил глаза, улыбнулся мне и прошел в кухню.

Мерил пришла вскоре после Джерома, подтолкнув нас переместиться в зону гостиной, чтобы сесть по-человечески. Мэттью, как гостеприимный хозяин, наполнял всем бокалы и предлагал кекса больше, чем могло влезть в человека.

– Господи, Мэттью, ты как будто собираешься заняться кейтерингом, – сказала Мерил, ее приятный американский акцент моментально перенес меня в детство.

Мои родители знали Мерил еще до моего рождения. Отец вел какие-то дела с компанией ее покойного мужа, и они стали близкими друзьями. Когда родился я, ее сразу же сделали крестной, и ребенком я каждое лето бегал по их с мужем большому загородному дому в Кенте. После его смерти пятнадцать лет назад Мерил продала дом, предпочитая жить в центре Лондона, чтобы присматривать за собственным бизнесом – косметической компанией под названием «Стримлайн». Сейчас она несколько отошла от прямого руководства компанией, текущим управлением занималась группа назначенных ею профессионалов. И хотя ей немного за шестьдесят, иногда кажется, что за последние несколько лет она довольно быстро постарела.

– Жду не дождусь знакомства с нашей новенькой, – сказала Мерил, отламывая десертной вилкой кусочек морковного кекса. – Я так поняла, что она молода, как вы двое, – она кивнула на меня и Мэттью. – Будет приятно послушать больше молодых голосов.

Анита скривила губы при мысли, что ее записали в стариковский клуб вместе с Мерил и Джеромом.

– Похоже, она немного опаздывает, – сказал я, проверяя время на телефоне.

– Она не писала, что опаздывает, но вчера подтвердила, что придет, – сказал Мэттью, глядя на свой телефон.

В этот момент в дверь позвонили. Все переглянулись, кроме Аниты, которая вытянула шею, проверяя, видно ли с ее места входную дверь, явно стремясь первой увидеть нашу загадочную новую гостью. Мне вдруг показалось, будто я участвую в пьесе, и главная героиня вот-вот появится на сцене.

– Это, должно быть, она, – сказал Мэттью и скрылся в коридоре.

Все сидели в неловком молчании, слушая, как он приветствует и по-хозяйски ухаживает за пришедшей. Затем он вернулся в комнату в сопровождении довольно высокой, светловолосой, нервно улыбающейся женщины.

– Знакомьтесь, это Рейчел. Новенькая, которую мы ждали.

Рейчел изменилась в лице:

– О Боже, мне так жаль, что я опоздала. Мне очень неловко. Я перепутала улицы...

Мэттью понял, как можно воспринять его слова, и перебил ее:

– Нет-нет, прости, я не это имел в виду под «ждали». Просто все мы взволнованы тем, что в нашей компании появится новый человек.

На это Анита подняла редкую бровь. Джером, напротив, вскочил и сжал ладони Рейчел в своих.

– Счастлив, что вы смогли присоединиться к нам, – горячо сказал он.

Рейчел улыбнулась и, слегка задыхаясь, поблагодарила его, и Мэттью подвел ее к стулу рядом с Мерил.

– Замечательная встреча, дорогая, – сказала Мерил, кивнув Рейчел. – Я Мерил, а это Анита.

Рейчел улыбнулась и помахала им обеим рукой, заняла свое место и поставила сумочку на пол, но сначала наклонилась, чтобы достать из нее что-то – как оказалось, экземпляр книги – слегка покраснев, когда выпала пачка бумажных платочков.

– Далеко вы шли? – спросила Мерил, пока Мэттью наливал гостям вино.

Он показал мне глазами на торт. Я понял его намек и предложил Рейчел кусочек, но она отказалась.

– Из Пимлико. Я решила пойти пешком, но немного потерялась где-то после Слоан-сквер. В итоге некоторое время шла не в ту сторону.

Анита наострила ушки.

– О, я живу в Пимлико. Может быть, мы проходили мимо друг друга по пути.

«Не может, – подумал я про себя. – Потому что ты тут уже часов девять».

– И где же вы живете? – продолжила Анита в своей обычной резкой, граничащей с грубостью манере.

– Ох, ничего особенного, – сказала Рейчел.

Нормальный человек воспринял бы это как сигнал сменить тему, но, к сожалению, Анита не относилась к нормальным, так что продолжала настаивать.

– На какой улице?

– Сразу за Джонсон-плейс.

Брови Аниты взлетели так высоко, что вышло почти комично.

– Это в Черчилль-Гарденс, не так ли?

По ее тону можно было подумать, будто Рейчел призналась в том, что каждую ночь спит со стаей волков.

– Верно, – улыбнулась Рейчел. – Я снимаю там маленькую квартирку.

Глаза Аниты расширились еще больше.

– Правда? Боже мой. Ну и ну. И как там?

Рейчел слегка пожала плечами:

– Нормально. Я имею в виду, могло быть и лучше. Не так красиво, как здесь. Но меня пока не убила банда, так что могло быть и хуже.

Джером засмеялся:

– Вы извините мою невестку. Она боится любого, кто не покупает авокадо в «Уэйтроуз».

Анита приняла оскорбленный вид:

– Я не ем авокадо, Джером. И ты изображаешь меня как какую-то снобку, что более чем нагло, в то время как сам сидишь на троне в своих апартаментах в Мейфэре.

– Может быть, – произнесла Мерил своим тихим голосом так, как умела только она: что было слышно на всю комнату, словно она крикнула. – Обратим наше внимание на книгу этого месяца?

Анита угрюмо схватила свою сумочку с того места, куда бросила ее раньше, достала совершенно новую книгу в мягкой обложке и сказала:

– Хорошо.

Джером улыбнулся ей, как будто он снисходительный дядюшка, а она надувшийся ребенок. Я заметил, как Рейчел встретилась глазами с Мэттью. Он дернул бровями и широко улыбнулся, а затем заговорил о том, что «почерпнул» из романа.

Оглядываясь назад, я не уверен, сколько времени Рейчел не было. Кажется, я смутно помню, как она спрашивала у Мэттью, где находится туалет, и вроде бы ушла в нужную сторону. Но потом Титус написал мне сообщение с вопросом, не мог бы я принести нужную ему книгу из стопки, которую он оставил внизу, так что я поспешил наверх. С увесистым томом под

мышкой я отделился от компании – кажется, Джером только что намекнул, что Анита расистка и получил от нее гневный ответ – и направился к лестнице. Почти поднявшись, я краем глаза уловил какое-то движение – не со стороны комнаты Титуса, а со стороны главной спальни. Нашей с Мэгтью спальни. Я медленно прошел по коридору, гадая, нас по-тихому взломали или это Титус что-то ищет (я все еще не придавал значения отсутствию Рейчел внизу). Дойдя до двери, я осторожно заглянул в спальню. Рейчел стояла около кровати со стороны ванной комнаты и рассматривала фотографии на комод.

На мгновение я остолбенел – совершенно остолбенел. Но потом пришел в себя. Я кашлянул и вошел в комнату.

– Э... привет, – сказал я дружелюбным, но слегка вопросительным тоном.

Она обернулась, как будто кто-то выстрелил из ружья.

– О Боже, извините. Я искала туалет и зашла сюда, а потом увидела ванную и поняла, что она хозяйская, так что подумала, что надо найти другую...

Она замолчала, всем своим видом показывая «ну что я за дурочка, ошиблась ванной». Я не знал, дело в том, как она вглядывалась в фотографии, на которых были мы с Мэгтью и маленьким Титусом, или в том, что она зашла на личную территорию, предназначенную только для нас: без гостей, со спортивной одеждой на полу и оберткой от упаковки бритвенных лезвий, торчащей из корзины для мусора. Это казалось вторжением в очень личное. И она, должно быть, понимала это, потому что ярко покраснела в ответ на мое молчание и сказала:

– Мне лучше вернуться вниз.

Кажется, я сказал что-то идиотское вроде «конечно» или «здорово», но я не знал, что еще сказать, кроме «какого хрена ты делаешь в моей спальне?» И моя всеобъемлющая потребность в вежливости и избегании конфликтов не дала мне произнести это. Так что Рейчел прошла мимо меня и вышла в коридор. А я остался стоять. Мне было не по себе, как будто случилось что-то важное и значительное, и мне требовалось время, чтобы это оценить. Но что именно произошло? Гостя ошиблась комнатой, или гостя была немножко невоспитанной и любопытной и попала. Ничего более. Тогда почему мне было так... странно? Я немного встряхнулся, чтобы вернуться в настоящее, и пошел было вниз, но остановился около комнаты Титуса. Его дверь была закрыта. Постучав и услышав разрешение войти, я мягко толкнул дверь. Титус раскинулся на кровати среди учебников и листов бумаги, кое-что попадало на пол. Титус не просто делал домашнюю работу. Он погружался в нее с головой.

– Как дела? – спросил я, улыбнувшись. – Хочешь, принесу тебе еще кекса?

Он широко улыбнулся:

– Хорошо. И нет, все нормально, мне не стоит есть еще сахар так поздно вечером.

«Господи, – подумал я, – мальчик более взрослый, чем его родители». Я кивнул и сказал, что тогда пойду.

– Не нравится книжный клуб? – спросил он.

Я помедлил.

– Ну, он такой, какой есть.

На это Титус выдал смешок, и я тоже.

– Почему ты спрашиваешь? Я выгляжу недовольным?

Он покачал головой:

– Нет, просто мне показалось, что я слышал, как ты поднялся некоторое время назад. Искал убежища или что-то в этом роде.

Я подумал рассказать ему про Рейчел. Про то, как странно было обнаружить ее в спальне. Но меня остановила мысль, что она подслушает разговор – как я жалею на нее своему сыну – даже если вероятность этого была мала.

– Я просто показывал Рейчел, где туалет, – сказал я. Это в некоторой степени была правда.

Титус кивнул и вернулся к своим заданиям. Я оставил его в покое и спустился вниз, почти ожидая увидеть, как Рейчел шарит по карманам пальто в прихожей. Конечно, ее там не было, она сидела в гостиной вместе со всеми, ела кекс и смеялась над словами Джерома. Мэттью поймал мой взгляд и поднял брови, молчаливо спрашивая, все ли в порядке. Он улыбнулся и едва заметно кивнул, продолжив свой разговор с Мерил. Я решил присоединиться к ним и протиснулся мимо стула Рейчел. Она вскинула на меня глаза, и на мгновение в них промелькнуло нечто похожее на смятение или страх. Как у животного, почуявшего опасность.

Когда все ушли, и мы наконец обрели покой, я помогал Мэттью убирать тарелки и бокалы. Оттого что я ужасный человек, я регулярно оставлял посуду на столешнице, чтобы на следующее утро ее помыла наша домработница Джейн. Однако Мэттью часто говорил мне, что это неприлично, и мы должны мыть ее сами, а стоило мне напомнить ему, что Джейн вообще-то платят деньги за уборку, он всегда прикидывался глухим.

Мэттью как раз ставил тарелки в посудомоечную машину, когда спросил:

– Рейчел имела успех, как думаешь?

Я ответил не сразу. Это стало большой ошибкой. Я помедлил, и этого ему оказалось достаточно, чтобы сказать:

– Боже, я знал, что у тебя с ней будут проблемы. Ну скажи мне. Что это было? Только, пожалуйста, не говори, что она не вписывается или что-то в этом роде. Подобный снобизм ниже твоего достоинства.

Я оскорбленно посмотрел на него:

– Я не собирался говорить ничего такого. На самом деле, кое-что совершенно другое, если бы ты позволил мне сказать.

Он закрыл и включил посудомоечную машину, после чего упер руки в боки.

– Тогда продолжай.

Я набрал воздуха в грудь, тщательно подбирая слова, и лишь после этого сказал:

– Я обнаружил ее в нашей спальне. Она... осматривалась.

Мэттью выглядел озадаченным.

– Что значит «осматривалась»?

– То и значит, – сказал я, раздражаясь. – Она... не знаю... вынюхивала.

– Вынюхивала, – повторил он, глядя на меня, как на психа. – Наверное, она просто ошиблась комнатой, когда искала туалет.

Я собирался ответить, но остановился и прикусил губу.

– О, – догадался Мэттью. – Значит, она просто искала туалет?

– Ну, так она объяснила, но это неправда. Я понял, что она врет. Она рассматривала наши вещи... Это было... странно. Вторжение.

– Вторжение?

– Ты можешь перестать повторять за мной этим недоверчивым тоном? Я знаю, что я видел.

Он вздохнул и, обойдя кухонный остров, встал рядом.

– Прости. Я тебе верю. Но я честно не думаю, что она делала что-то дурное. Всем любопытно в чужих домах. Я уверен, мы все при случае подглядываем. А она, вероятно, раньше никогда не бывала в таком доме.

Он подошел ближе ко мне и обнял меня за талию.

– Ого. И кто теперь сноб?

Я хотел, чтобы мой ответ звучал язвительно, но, когда его руки поднялись к моим плечам, а тело прижалось к моему, в итоге вышло странным образом игриво.

– Пойдем наверх? – сказал Мэттью мне на ухо, склонившись так близко, что я уловил аромат его лосьона после бритья.

– Идем.

Я притянул его к себе и крепко обнял, чувствуя его тепло и знакомый уют его объятий. А потом мы разъединились и вместе пошли наверх.

И только когда я уже засыпал, в голове всплыло воспоминание о том, как я обнаружил Рейчел в спальне – в той самой комнате, в которой находился в тот момент.

Я увидел это снова и вспомнил: меня поразило не сам факт того, что я обнаружил ее в комнате, а выражение ее лица. Странное, отрешенное выражение, наполненное какой-то эмоцией, которую я не смог определить. Я встал с кровати, подошел к комоду и встал точно на том месте, где она стояла часом ранее. В полумраке, разбавленном светом уличных фонарей, я увидел очертания трех фоторамок. В одной стояла фотография маленького Титуса, наверное, лет семи. Сощурившись в абсолютно счастливой улыбке, он держал в руке школьную грамоту. Во второй рамке, поменьше, была фотография Мэттью и его сестры Колетт, сделанная за несколько лет до ее смерти. Я не слишком хорошо помнил, когда и почему, но скорее всего снимок был сделан в университетском городке Дарем, когда она училась там и Мэттью приезжал к ней из Оксфорда. А в центре, в самой большой рамке, стояла наша свадебная фотография с Мэттью и Титусом. Титусу было всего десять лет, и он выглядел очень нарядным и счастливым в своем костюме. Все мы выглядели нарядными и счастливыми. Может, на это фото она так смотрела? Восхищалась нашей счастливой жизнью. Тем, как мы год за годом остаемся вместе. Или, может, она просто думала о чем-то другом, глядя на фотографии? Не знаю, сколько я стоял там, глядя на них, когда Мэттью окликнул меня с кровати:

– Что ты делаешь?

Его голос был глухим ото сна, и я услышал, как он повернулся, чтобы лучше меня видеть.

Я вернулся в кровать.

– Просто смотрел на нашу свадьбу, – сказал я, укладываясь.

– Хороший был день, – пробормотал он. Затем его дыхание стало ровным, и я понял, что он снова уснул. А через несколько мгновений заснул и я.

Глава 8

Чарли

День убийства

Мы с Титусом ждем на ступенях полицейского участка. Оба не в состоянии говорить. В конце концов я шагаю к нему и кладу руку на плечо. Он почти врезается в меня, прижимаясь своим твердым телом к моему боку, и я чувствую его размеренное, хриплое дыхание.

– Все нормально, – мягко говорю я, хотя, вероятно, он не слышит моих слов в шуме машин и спешащих мимо прохожих.

Он ничего не говорит, пока мы ждем мою маму, и, хотя в голове у меня рождаются все новые и новые вопросы, в данный момент мне не хватает умственных способностей сформулировать их в связные предложения. Мама паркуется позади здания, на Ибэри-сквер, и мы обходим его. Она сидит на переднем сиденье темно-красного «Бентли Бентейга», и даже в темноте и тусклом свете фонаря я вижу, что она бледная от шока. Она машет нам рукой, чтобы забирались в машину. Мы слушаемся, Титус садится назад, а я обхожу машину, чтобы сесть вперед.

– Вы в порядке? – спрашивает мама, стоит нам забраться внутрь. – Я так волновалась.

– Мы... мы нормально, – говорю я, хотя знаю, что это неправда.

И она тоже знает. Она выглядит бледной и напряженной, но ведет плавно и собранно, и машина скользит по пустым жилым улицам. Я отчасти ожидаю, что она спросит, что именно произошло, но она хранит молчание до конца поездки. Тянет время. Полагаю, хочет расспросить меня без Титуса.

Когда мы останавливаемся перед домом, несколько ударов сердца проходят в молчании, а потом она говорит:

– Я понимаю, что все это, должно быть, шок для вас, и представляю, что сейчас вам не хочется переживать все заново. Я просто... просто очень благодарна, что вы оба невредимы. Все это ужасная трагедия, и впереди у нас, несомненно, трудные времена. Так что давайте отдохнем и встретим завтрашний день с более ясной головой.

Это какая-то помесь речи тренера перед спортивным матчем и священника на похоронах. Я не в том состоянии, чтобы адекватно ответить или вообще ответить что-либо, поэтому просто киваю и поворачиваюсь к Титусу. По его щеке ползет одинокая слеза. Заметив мой взгляд, он вытирает ее и открывает дверь. Мы с мамой заходим в дом следом.

– Я звонила твоему отцу, – говорит мама, как только закрывает дверь. – Он вылетит из Нью-Йорка как только сможет.

Я киваю:

– Он приедет сюда или к себе домой?

Раньше я считал отношения своих родителей нетипичными, но по прошествии времени понял, что не так уж они и необычны. Просто мои родители более прагматичны, чем большинство людей. Они поженились, когда обоим было ближе к тридцати, родили меня и постепенно отдалились друг от друга, но предпочли разводу компромисс: каждый живет в собственном доме, но они по-прежнему остаются парой. Они ходят на ужины, в театр и оперу, даже ездят в отпуск, но большую часть года живут отдельно, пусть географически и близко друг к другу. Когда отец в Лондоне, он живет в доме на Сент-Джордж-сквер, в Пимлико, где я провел большую часть детства между школой и нашим загородным домом, Браддон-мэнор. Мамин дом на Уилтон-Кресент был куплен во время учебного года, когда мне было тринадцать. Однажды я просто приехал домой и обнаружил грузчиков, которые выносили коробки под маминым прищелчком. Она повернулась ко мне и сказала: «Дорогой, я переезжаю. Садись ко мне в машину, и я все тебе расскажу». И с того дня моя жизнь разделилась на части. Конечно, я осознаю, что,

по большому счету, мои жалобы на распавшуюся семью ничто по сравнению с тем, через что проходят некоторые дети.

Мои родители никогда не устраивали громких скандалов, не швыряли тарелки, никогда не были жестоки или грубы по отношению ко мне или друг другу. Они просто решили, что лучший способ прожить оставшуюся часть своего брака – сделать это по отдельности. И благодаря богатству, которое посчастливилось иметь моей семье, они могут делать это в комфорте двух таунхаусов центрального Лондона.

– Почему бы вам обоим не переодеться в свою одежду? – говорит мама, заметив, что я смотрю на спортивные костюмы, которые нам выдали в полиции. – Или пижамы, – это больше для Титуса, – Уверена, так будет удобнее.

Титус кивает и бормочет:

– Я хочу помыться.

Я знаю, что он чувствует. Как будто мы заразились ужасом случившегося – как будто невидимый осадок потрясения и жестокости все еще липнет к нашей коже.

– Конечно, дорогой, – говорит мама. – Набрать тебе ванну?

Он мотает головой:

– Я справлюсь.

Затем он скрывается на лестнице, оставив нас с мамой в прихожей на том месте, где стоял всего несколько секунд назад. Я чувствую напряжение в воздухе. Все, что она хочет спросить, все, что я хочу и не хочу говорить. Но мама удивляет меня еще раз, говоря:

– Тебе следует подняться с Титусом. Ты меня понимаешь?

Я смотрю ей в глаза и киваю:

– Конечно.

Я начинаю подниматься по ступенькам, но потом поворачиваюсь к ней и говорю:

– Мам...

Она качает головой и уходит на кухню. Я мгновение стою на лестнице, потом спускаюсь на две ступеньки, на которые уже поднялся, и иду за ней.

– Я думал... ты захочешь поговорить.

Она наливает себе стакан воды и смотрит на меня поверх блестящей столешницы.

– Я сказала тебе идти наверх и присмотреть за Титусом. Позже, когда вернется отец, будет полно времени на разговоры. Сомневаюсь, что тебе захочется повторять все дважды, так что предлагаю тебе пойти отдохнуть.

Я смотрю на нее, где-то внутри закипают нерешительность и беспокойство.

– Пожалуйста, Чарльз. У меня действительно есть вопросы, в частности про Рейчел и Титуса. Но сейчас не время. Пожалуйста, иди и проверь сына. Я правда не думаю, что должна повторять это снова.

Еще несколько секунд мы смотрим друг другу в глаза. Затем я уступаю и иду наверх, перешагивая через две ступеньки.

Титус вскрикивает, когда я вхожу в ванную без стука. Он прижимает колени к груди и возмущенно смотрит на меня.

– Извини. Я просто хотел... убедиться, что ты в порядке.

Он отворачивается, глядя на кран, из которого льется вода. Есть что-то удивительно успокаивающее в звуке бегущей воды, и внезапно я чувствую себя выжатым до предела. Я сажусь на крышку унитаза и обхватываю голову руками.

– Думаю, нам надо поговорить, – говорю я, глядя в пол.

Я слышу, как выключается вода, оставляя между нами непривычную звенящую тишину.

– Я не хочу говорить об этом, – произносит Титус тонким голоском мальчика намного младше по возрасту.

Это напоминает мне редкие случаи, когда у него случались неприятности в школе или он терял домашнюю работу, или плохо себя вел дома. Мэттью всегда обвинял меня, что я слишком спешу утешать его, сказать, что все не так страшно и ему не стоит расстраиваться. «Некоторые вещи имеют значение, некоторые вещи стоят того, чтобы из-за них расстраиваться, – сказал мне Мэттью однажды, когда я обнял Титуса еще до того, как он толком объяснил, что случилось. – Если ты будешь говорить ему, что это неважно, он не станет и пытаться». Я возражал. Хотя Мэттью не относился к суровым, жестким родителям, мне не нравился его временами негативный взгляд на жизнь и ее невзгоды. Я понимал причины: в юности он столкнулся с таким количеством горя и скорби, которого некоторые не испытывают за всю жизнь.

Я внимательно смотрю на Титуса, тщательно подбирая слова.

– Я думаю... думаю, будет полезно на будущее прояснить, что каждый из нас будет говорить полиции.

Поначалу он не смотрит мне в глаза.

– Зачем? – говорит он, все еще глядя на краны. – Там не о чем говорить, нет? Рейчел пришла к нам домой, когда мы ужинали. Она убила папу. Она позвонила в полицию.

Теперь он резко вскидывает взгляд, и, хотя в ванной тепло от пара, меня внезапно пробивает озноб.

– Вот и все, верно? – говорит он, не моргая.

Я смотрю на него, не шевелясь. Мое тело замерло, почти застыло, напряженность между нами нарастает. Наконец я произношу:

– Да. Это все. Я тоже так сказал. А ты... Я просто думал, что тебя интересует причина. Почему она призналась. Потому что я...

Он отрицательно качает головой, останавливая меня на полуслове.

– Я не хочу говорить об этом. Не сейчас.

Я подумываю надавить, не обращать внимания на его протесты, но что-то в его холодном, твердом взгляде – не сочетающемся с испуганным маленьким мальчиком, которым он казался несколько секунд назад, – заставляет меня молчать.

– Ладно, – говорю я.

Он еще несколько секунд смотрит на меня. Наверное, ждет, пока я уйду, но я остаюсь на месте. Затем он откидывается назад, вытягиваясь всем телом, и погружается под воду, пуская пузыри воздуха. Пока он прячется под бурлящей водой, я осматриваю полки над раковиной. Я знаю, что папа до сих пор любит бриться опасной бритвой, но не вижу ее и делаю вывод, что он редко ночует в мамином доме. Успокоенный, я встаю как раз в тот момент, когда Титус выныривает, чтобы вдохнуть воздуха.

– Я пошел, а ты одевайся, – говорю я, направляясь к двери.

– Мне не во что одеваться. Здесь нет моей одежды, кроме этого, – говорит он, тыкая мокрой рукой в брошенный на полу спортивный костюм.

– Завтра приедет офицер по семейным делам. Она привезет нам одежду из... из дома.

Мой мозг стопорится на этом предложении. Потому что теперь это не просто наш дом. Это место преступления. Место убийства. И навсегда останется запятнанным в сознании всех, кто знает, что там произошло. Особенно в нашем.

– Хорошо, – соглашается Титус.

Я беру с полочки слева одно из сложенных полотенец и кладу его рядом с ванной.

– Попытайся поспать. И приходи ко мне, если понадобится поговорить.

Он кивает и тянется к полотенцу. Я оставляю его вытираться в одиночестве. Сердце гулко колотится в груди, тысячи мыслей борются за внимание, пока я иду к гостевой комнате, в которой всегда ночевали мы с Мэттью. Зайдя внутрь, я падаю на кровать. Голова раскалывается. Приподнявшись, я шарю в прикроватной тумбочке в полной уверенности, что где-то в ней лежит упаковка парацетамола или ибупрофена. Отыскав пачку, я не проверяю название

или срок годности; я просто выпиваю на сухую две таблетки. Рот наполняется горьким химическим вкусом.

Я закрываю глаза и пытаюсь сосредоточиться на сладком аромате кондиционера для белья и легком шуршании стеганого одеяла, когда провожу лицом по его прохладной поверхности в попытках не дать мыслям утащить меня обратно в дом. В наш дом. В нашу столовую. И в то, что там произошло. Кровь. Звуки, которые издавал Мэттью после удара ножом. Слова, которые он пытался произнести, пока в его глазах угасала жизнь. Я прижимаю ладони к лицу, пытаюсь прогнать ужас из головы, но ничего не получается. Я снова и снова оказываюсь там. Это неизбежно. Жизнь научила меня: чем больше стараешься не думать о чем-то, тем больше это пожирает твой мозг. Но несмотря на это – а может быть, благодаря – у меня все же получается заснуть. Задремать. Волнами. Я плыву между сном и памятью, мыслью и обрывочными образами. Мне одновременно жарко и холодно. Как будто у меня грипп – очень сильный, требующий недельного больничного грипп. Я начинаю дрожать, температура в голове поднимается, в висках стучит. Я стягиваю одежду, словно какое-нибудь безумное, отчаявшееся животное – старую кожу; есть что-то примитивное и странно рептильное в том, как уродливый серый спортивный костюм спадает с меня, и я заползаю на кровать, голый и обновленный, наслаждаясь прохладой и теплом постельного белья. Я заворачиваюсь в одеяло и вцепляюсь в него, как в спасательный плот. И лежу так много часов, но это могут быть и минуты, а могут быть годы. Время для меня останавливается. Затем я смутно осознаю, что кто-то зашел в комнату и пытается говорить со мной.

– Чарльз. Ты меня слышишь?

В голосе звучит настойчивость. В мамином голосе. Я поднимаю глаза, моргая от яркого света у нее над головой.

– Да... что? – говорю я, ничего не соображая.

Она наклоняется и поднимает что-то с кровати.

– Чарльз, сколько ты выпил? Ибупрофен с кодеином. Здесь пустой блистер. Сколько таблеток ты выпил?

Я понимаю, что она держит упаковку таблеток и достает из нее блистер.

– Что? – повторяю я, лишь смутно понимая причину ее паники. – Нет. В смысле, я принял не много. Всего... две.

– Ты уверен? – твердо спрашивает мама, и я киваю.

Она облегченно выдыхает:

– Извини. Я просто... я волновалась.

– Знаю. Все нормально, – я пытаюсь сесть. – Я бы этого не сделал.

Она кивает:

– Я не думала, что сделал. Просто немного испугалась, увидев тебя с упаковкой. Ничего. Я тру глаза.

– Мне нехорошо.

– Это шок, – отвечает она.

Она кладет руку мне на плечо. Думаю, она хочет сказать что-то утешающее, но вместо этого говорит:

– Я не глупая. Я знаю, что произошло. Как я уже сказала, я не хочу обсуждать это, пока не придет твой отец. Но я обещаю, что мы сделаем все возможное, чтобы защитить Титуса.

У мамы низкий, тихий голос и, по ее обыкновению, спокойный и сдержанный.

– Твой отец уже связался с нашим адвокатом. Титус никогда не сядет в тюрьму, не пойдет под суд и даже не будет арестован полицией. Если это в наших силах.

Глава 9

Рейчел

За одиннадцать месяцев до

Попастся Чарли в спальне было глупо, но я просто должна была посмотреть собственными глазами. Посмотреть, где он живет. Как он живет. И где живет его приемный сын...

Я расстроилась, когда, поднявшись по лестнице, увидела, что одна из дверей закрыта. За ней играла музыка, что-то оперное. Вот бы он вышел, оставив комнату пустой, а дверь приглашающе открытой. К счастью, дверь в хозяйскую спальню была открыта, выставляя на обозрение внутреннее содержимое. Затея была опасной, ведь я знала, что не одна наверху, но я наплевала на осторожность и прошла вперед.

Воздух пах мужским парфюмом и чем-то еще, более свежим. Возможно, они включили в розетку освежитель воздуха – или среди элиты это считается вульгарностью? Не успев ничего рассмотреть, я услышала шаги за спиной и нырнула в комнату, сев на корточки на мягкий ковер, словно ребенок, который залез в банку с вареньем и попался.

Но, кто бы это ни был, он пришел не за мной. Очень медленно я вытянула шею и увидела Титуса. Вероятно, он вышел из туалета и возвращался к себе в комнату. Я удивилась, что у него нет собственного санузла, но, возможно, он предусмотрен только в главной спальне; откуда мне знать. Я никогда раньше не бывала в больших таунхаусах.

Меня очень сильно тянуло к нему, я чувствовала, как бьется сердце, подталкивая меня вперед; словно внутри поселилась острая боль, но я не хотела, чтобы она проходила. Мне потребовались все силы, чтобы тотчас не побежать в его комнату. Конечно, я этого не сделала. Я стояла неподвижно и, чтобы успокоиться, повернулась к комоду, на который опиралась. Наверху лежал «Айпад» в элегантном футляре из темной кожи. Согласно маленькому логотипу в уголке, «Луи Виттон». И стоял он, наверное, как вся моя месячная зарплата в садовом центре. Рядом стояла свеча от «Джо Малон», что объясняло аромат в комнате. А рядом с ней стояла фотография в рамке. Она мало отличалась от той, что я видела в «Инстаграме» несколько недель назад, хотя лицо мальчика на ней было намного младше. Чарли, Мэттью и Титус в школьной форме. Последнему, наверное, было лет семь или восемь, он держал перед собой какую-то грамоту. Я дотронулась до фотографии, но быстро отдернула руку, боясь оставить след.

Рядом стояла еще одна рамка, поменьше, с фотографией девушки-подростка. Она смеялась в камеру на фоне рождественской елки. Я не стала задерживаться на ней. Вместо этого я вернулась к фотографии счастливой, улыбающейся семьи. Тогда-то я и услышала голос от двери.

– Э... привет.

Я изо всех сил постаралась сгладить неловкость. Старалась выглядеть смущенной и виноватой, сказав, что ошиблась комнатой. Но я видела морщину, прорезавшую лоб Чарли, которая беспокоила меня. И она продолжала беспокоить меня до самого конца вечера и по дороге домой, в мою темную, одинокую квартиру.

«Терпение, – повторяла я себе. – Действуй медленно. Выбери момент. В конце концов все сложится».

Глава 10

Чарли

За десять месяцев до

Оглядываясь на мои первоначальные сомнения по поводу Рейчел, тяжело признавать, что некоторые из них – если не все – были основаны на снобизме. Но это так. Не потому, что она была не так финансово обеспечена, как мы, или говорила с другим акцентом, или что-то еще. Просто она не была частью нашего клуба. Нашей маленькой сети, где, кажется, все знают всех или делают вид. Конечно, мы постоянно знакомимся с новыми людьми, но не в проходах супермаркетов. И уж точно вы не ожидаете, что подобная, вроде бы случайная, встреча сыграет такую важную роль в вашей жизни.

Отношения с Рейчел вышли на новый уровень одним непривычно солнечным октябрьским днем, когда я скучал в офисе. Простой телефонный звонок – все, что потребовалось, чтобы перевернуть день с ног на голову.

– Привет, это я, – сказал Титус в трубку, хотя по определителю номера и так было видно, что это он. – В общем... это немного странновато, но я в полицейском участке. Кое-что случилось.

Я уронил папку с бумагами и «Айпад», которые держал в руках. Жюльетт обернулась и спросила:

– Ты в порядке?

А я, присев, чтобы подобрать упавшее, зажал телефон между шеей и плечом.

– Что случилось? В каком ты участке?

– В Кенсингтоне. Я... На меня вроде как напали. Банда мальчишек. Рядом с Альберт-Холлом.

– Господи, – сказал я, игнорируя панический взгляд Жюльетт и удаляясь от принтеров к своему кабинету. Я закрыл дверь и потянулся за курткой. – Я сейчас приеду. Твой папа уже в пути?

– Я до него не дозвонился. Я звонил, но гудки шли и шли, так что я оставил ему голосовое. И написал ему в «Вотсап», но он не прочитал.

Это было странно. Иногда Мэттью уезжал по работе, чтобы встретиться с профессорами и историками, которые жили в отдаленных регионах страны, и, конечно, иногда там не было сигнала, но, насколько я знал, сегодня был обычный офисный день.

– Хорошо. Не проблема. Я еду.

– Хорошо, – сказал Тиитус и завершил звонок.

Я сунул папку и «Айпад» в сумку, а затем спустился на лифте к выходу. Я набрал Мэттью, но меня переключило на голосовую почту. Шагая в сторону подземного гаража, я испытывал сильное раздражение на него. В то самое время, когда случилась экстренная ситуация и мы оба нужны Титусу, с ним невозможно связаться. Я сел в машину и напечатал резкое сообщение: «Титус в Кенсингтонском полицейском участке. На него напали. Я его забираю. Пожалуйста, позвони мне».

Я завел двигатель и выехал с парковки. Улицы, как всегда, были забиты, и мне потребовалось почти десять минут, только чтобы выехать из Фицровии. В голове мелькали картины того, как Титуса прижимают к стене и, отняв вещи, избивают хулиганы в капюшонах, они веселятся, а его лицо забрызгано кровью. Раздражение, направленное на Мэттью, теперь трансформировалось в ярость по отношению к напавшим на Титуса. Как они посмели пристать к нашему мальчику?

Почти через полчаса я прибыл в Кенсингтонский полицейский участок. Уже от входа я сразу же увидел Титуса, сидевшего в уголке в стороне от стойки. Рядом с ним сидела светло-волосая женщина. Я подошел и, не говоря ни слова, обнял его, крепко прижав к себе.

– Я в порядке, все хорошо, – сказал он. – Они мне не повредили.

Я кивнул, чувствуя, как к глазам подступают слезы, облегчение затопило мой разум и тело. Выпустив его из объятий и осмотрев, я перевел взгляд на женщину рядом с нами.

– Рейчел? – растерянно сказал я, гадая, что упустил. – Почему... Почему ты здесь?

– Она была невероятна, – сказал Титус, не дав Рейчел возможности заговорить.

Она встала и немного смущенно улыбнулась:

– Привет. Я рада, что ты здесь. Ты, должно быть, очень волновался. Но он вел себя очень смело.

– Не думаю, что был смелым; это ты была смелой, – сказал Титус, глядя на нее, потом на меня. – Папа, Рейчел меня спасла. По-настоящему спасла.

Рейчел махнула рукой, словно говоря «пустяки».

– Это было не так впечатляюще. Парни, пристававшие к Титусу, все равно были трусами. Я просто рада, что проходила мимо и высказала им все, что думаю.

Я пытался переварить это все.

– Подожди... Ты увидела ограбление? И что, вмешалась?

Она кивнула:

– Да, я просто гуляла, увидела, как компания мальчишек пытается отнять у мальчика телефон и просто... просто сказала им отвалить, собственно. А мальчик оказался вашим Титусом.

Я посмотрел обратно на Титуса, который теперь широко улыбался. Я заметил легкую ссадину у него на щеке и растрепанную школьную форму. Вид был более удовлетворительный, чем кровь и синяки, которые я напредставлял себе, но все равно... Я ненавидел мысль о том, что кто-то был жесток к нему.

– Думаю, полицейские захотят с тобой поговорить. Удивительно, что они еще не подошли. Однако, они были очень добры.

Рейчел кивнула мне, как будто старалась порадовать, но мне послышалось какое-то недовольство. Как будто это она ответственный родитель, здесь, рядом с моим сыном, а я догоняю, опаздываю, на вторых ролях. В некотором роде так и было.

– Конечно, – сказал я. – Я сейчас поговорю с ними, – я повернулся к Титусу. – Ты дозволился до папы?

Он покачал головой:

– А ты?

– Нет, – сказал я, бросив взгляд на телефон. – Он все еще не ответил.

– Должно быть, занят на работе, – сказала Рейчел жизнерадостнее, чем я считал подходящим в данной ситуации.

Я едва заметно кивнул, потом убрал телефон в карман и отправился поговорить с дежурным полицейским.

Мне не очень-то хотелось подвозить Рейчел; я находил ее присутствие при этом тревожном испытании более чем неловким, похожим на то, когда я обнаружил ее шныряющей наверху. Такое впечатление, будто она свалилась в нашу личную жизнь. Мы стали более чем просто друзьями за месяц или около того. Она вплелась в ткань нашей семьи, и это небольшое происшествие как будто сделало эти нити крепче и прочнее.

Мы немного проехали в молчании, затем, лишь бы что-то сказать, я спросил:

– Итак, как ты находишь Лондон?

Я подозревал, что либо я, либо кто-то еще спрашивал ее именно об этом на встрече книжного клуба, но мне было все равно. В конце концов, может ее мнение изменилось с момента переезда.

– О, мне нравится, – сказала она. – Он... он такой большой. Конечно, Йоркшир огромный, но по-другому.

После этого она хихикнула, вероятно, поняв, что сказала очевидное.

– У тебя было время исследовать окрестности? – спросил я, поворачивая на набережную Челси, откуда открывался вид на Темзу, сверкающую в свете заходящего вечернего солнца.

– Да, было. На самом деле, я только этим и занимаюсь. Гуляю и слушаю аудиокниги. Мне нужно искать работу, но я, кажется, не могу найти ничего подходящего.

Было что-то странное во всей ее истории, что звучало неправдоподобно. Кто переезжает с севера Англии в Лондон, снимает квартиру в одном из самых дорогих районов в стране и не торопится искать работу? Конечно, я знаю людей, которые поступают именно так, но они живут в таунхаусах и владеют недвижимостью, например обширными загородными поместьями, и живут за счет унаследованного богатства. Но выбор квартиры в квартале, известном разборками между бандами и уличной преступностью, подсказывал, что у Рейчел не было бездонного кошелька с деньгами. Может, ей просто нравилось жить по-простому, но все равно было в ее ситуации что-то чуточку неестественное. Что-то, что она предпочитала не разглашать.

Это был первый раз, когда я заехал глубоко в квартал Черчилль-Гарденс. Даже при том, что я много лет жил в Пимлико, в нескольких шагах, на Сент-Джордж-сквер, меня потрясло, насколько все может отличаться, стоит всего лишь повернуть на несколько улиц. Пока я парковался перед ее подъездом, за нами наблюдали три парня в капюшонах, один на велике, двое других подпирали стену. Они курили, и, когда Рейчел открыла пассажирскую дверь, я услышал с их стороны еле слышную музыку, вероятно из телефонов в карманах.

– Большое спасибо, что подвезли, – поблагодарила Рейчел, выходя из машины.

– Спасибо за все, – сказал Титус, развернувшись на своем сиденье. Это был первый раз, когда он нормально заговорил с тех пор, как мы покинули полицейский участок.

– Да, спасибо, – поддержал я.

– Я бы пригласила вас, но у меня неубрано, да и квартира размером с кладовку. – Рейчел засмеялась, снова немного неловко.

Я не спускал глаз с мальчишек, которые в открытую следили за нами (или за «БМВ Х6», на которой мы приехали).

– Ты...

Я чувствовал себя обязанным спросить, не боится ли она идти в одиночку, и в то же время остро осознавал, что это может прозвучать осуждающе по отношению к мальчикам и покровительственно по отношению к ней. Думаю, она поняла мое беспокойство и затруднение и улыбнулась.

– Все хорошо. Что ж, увидимся на следующей встрече книжного клуба. Мэттью прислал мне подробности на днях.

«Даже так?» Не знаю почему, но тот факт, что он не говорил мне об этом, немного ранил меня. Почти тайно, как будто он знал, что я «не одобряю» появление Рейчел в нашей жизни, и решил не афишировать, в то же время отправляя ей дружеские сообщения по «Вотсапу». Я запретил себе следовать по этой весьма глупой мысленной дорожке как раз вовремя, чтобы улыбнуться Рейчел и пожелать ей спокойной ночи, пока она преодолевала короткий путь до подъезда. Мальчишки проследили за ней, но никак не отреагировали и не пошевелились.

Мой мозг кипел, и мы некоторое время мы не трогались с места, потом Титус спросил:

– Мы едем?

– Извини. Задумался.

Я снялся с ручника и выехал по узким улочкам квартала на главную дорогу. Оставшуюся часть пути до дома я засыпал Титуса вопросами о том, что именно произошло. По большей части он был раздражающе молчалив – не недовольным или угрюмым, просто отвечал односложно и смотрел в окно. Я постарался не обижаться на то, что в полицейском участке он явно прекрасно общался с Рейчел об инциденте, но закрылся сейчас, когда мы остались вдвоем. «Все же она была там», – подумал я. Она была больше, чем жилеткой в тяжелый момент, она была неотъемлемой частью этого момента. Его спасительницей.

Зайдя в дом, я занялся следующим неотложным вопросом – своим пропавшим мужем. Джейн, которая на самом деле должна была уйти домой еще час назад, несла вверх корзину с чистым бельем. Она тепло поздоровалась с нами и сказала, что Мэттью нет дома и она не слышала никаких сообщений на автоответчике. Я все равно проверил, хотя никто из нас нынче не пользовался им, почти полностью полагаясь на смартфоны. Как только я почувствовал, как внутри меня вновь распускается паника, в кармане завибрировал входящий звонок.

– Что случилось? Он в порядке? – зачастил Мэттью, стоило мне ответить.

– Ты где? – спросил я вместо ответа на его вопрос. Наверное, это было невежливо с моей стороны, но я злился, что в час напряжения и волнений он как в воду канул.

– Я застрял в пробке. Мне пришлось поехать к этому профессору в Маргит. На обратной дороге случилась серьезная авария, и я застрял в образовавшемся заторе. Титус в порядке? Он в больнице?

Я облегченно выдохнул и чуть не рассмеялся от мысли о Титусе в больнице, когда на самом деле он лежал на диване, показательно изучая меню «Домино». Не знаю, что это было: легкомыслие, которое приходит, когда знаешь, что все хорошо, или естественная эйфория, следующая за парой часов напряженной тревоги, – но я внезапно почувствовал себя счастливым и свободным.

– Он в порядке. Он в полном порядке. Сидит здесь. Мы дома. Хочешь с ним поговорить? Я передал телефон Титусу.

– Пап, я в порядке, – сказал он, слегка закатив глаза.

Я забрал у него меню «Домино» и показал на картинку с острой американской пиццей. Он широко улыбнулся и кивнул. Я пошел на кухню, все время ожидая услышать ключевое слово. И я его услышал.

– Да, Рейчел. Она была там. Она была невероятна.

Глава 11

Чарли

За десять месяцев до

Когда Мэттью приехал домой, почти в одно время с пиццей, мы детально разобрали, что произошло с Титусом.

– Поверить не могу, что они пытались забрать твой телефон. Среди бела дня. В Кенсингтоне.

Мэттью был одновременно ошарашен и зол. Я не мог избавиться от ощущения, что, если бы я так произнес «в Кенсингтоне» в другом контексте, он меня высмеял бы. Он покачал головой, затем задумчиво пожевал ломтик пиццы.

– Полагаю, мальчишек никогда не поймают.

– Не знаю, – сказал я. – В районе Альберт-Холла много камер видеонаблюдения. Возможно, получится их выследить.

– И Рейчел была там? – продолжил Мэттью, вопросительно глядя на Титуса.

Тот кивнул:

– Она просто гуляла. Было очень любезно с ее стороны вступить. Это все было... ну, на самом деле ужасно.

– Уверен, – сказал Мэттью, погладив Титуса по руке. – Слава Богу, Рейчел шла мимо.

– Немного странно, – перебил я, – что она оказалась в нужном месте в нужное время, нет? Лоб Мэттью прорезала морщина.

– Что ты имеешь в виду? Я бы сказал, что это очень удачно.

Я тщательно подбирал слова, закрывая коробку от пиццы перед собой.

– Я просто имею в виду, что из тысяч человек, гуляющих по улицам Лондона, Рейчел оказывается на той самой улице в тот самый момент, когда нужно Титусу.

Теперь и Титус смотрел на меня, и я вдруг почувствовал себя немного раздраженным их скептическими лицами.

– Да ладно вам, я просто хочу сказать... какова вероятность?

– Ну, совпадения случаются, – сказал Мэттью, пожав плечами, и повернулся к Титусу: – А что ты вообще делал в Кенсингтоне?

На лице мальчика явно читалась робкая застенчивость.

– Ну-у... я... просто гулял.

– Гулял? – повторил я. – Со школьными вещами? Почему ты сначала не занес их домой?

Теперь Титус смотрел себе в тарелку. Его губы слегка дернулись, как будто он фильтровал ответ, пытаясь придумать, как его сформулировать.

– Я... ходил к другу.

Мэттью улыбнулся:

– И к чему такая секретность? Это друг из школы? Как его зовут?

Титус заерзал на стуле, словно ему было неудобно сидеть.

– Я... это... это она. Не он.

Я видел, как Мэттью переваривает это и приходит к тому же результату, что и я: в младших классах Вестминстерской школы не учатся девочки.

– Значит, если это она, – медленно сказал он, – то в твоей школе она была бы...

– Выпускницей, – ответил Титус, не отрывая глаз от стола.

На несколько секунд воцарилась тишина.

– Понятно, – сказал Мэттью. – Что ж, хорошо.

– Как ее зовут? – спросил я.

– Мелани.

– Поскольку твоя школа принимает девочек только в выпускные классы⁵, полагаю, Мелани учится в другой школе? – сказал Мэттью.

Лицо Титуса вспыхнуло от возмущения, но на этот раз он не стал уклоняться от вопроса.

– Она... она не... Ей восемнадцать.

Молчание. Мы с Мэттью переглянулись. Он решил начать первым.

– Эм... ты не думаешь... что это великоватая разница в возрасте?

Титус с вызовом посмотрел ему в глаза:

– Между вами почти три года. В чем разница? И вообще, почему ты резко решил, что мы трахаемся? Я этого не говорил.

Меня так потрясло его «трахаемся», будто меня ударили. Титус раньше ругался при нас, но всегда в шутку или чтобы нарочно нас накрутить. Использование слова в этом контексте звучало по-взрослому и серьезно, как будто он вошел в более зрелый и жестокий мир, а мы и не поняли.

– Это другое, – ответил Мэттью. – Потому что тебе четырнадцать, а нам обоим за тридцать. А что касается траха, раз мы, очевидно, используем подобную лексику за обеденным столом, я уверен, ты понимаешь, это не только вопрос неодобрения разницы в возрасте. Это было бы преступлением.

Титус тихонько рассмеялся:

– Ой, да ладно. Я не жертва обольщения или чего-то такого. Я думал, вы отнесетесь к этому проще.

– Ты явно так не думал, – отрезал Мэттью. – Иначе рассказал бы нам про нее раньше, а не стал ждать, пока тебя ограбят возле ее дома.

Титус резко вскочил:

– Я иду спать.

Мэттью тоже встал:

– Нам надо разобраться с этим. Вы пара? Ее родители были дома? Кто они? Мы их знаем?

Титус со стуком задвинул свой стул под стол:

– Нет, мы не пара. Она просто трахает меня периодически, когда у нас обоих есть свободное время. Я сожалею, что меня чуть не избили и я испортил вам вечер. Спокойной ночи.

Он вылетел из комнаты и затопал по лестнице, следом грохнула его дверь. Мэттью поставил локти на стол и обхватил голову руками:

– Господи, это ужасно.

Я обошел стол и положил руку ему на плечо:

– Все будет хорошо. Мы поговорим с ним.

– Как думаешь, стоит подключить школу? – Он поднял голову и посмотрел на меня.

– Я... я не знаю. Наверное, будет лучше решить это частным порядком. Мы же не хотим, ну, переборщить... – сказал я осторожно.

Мэттью чуть двинул челюстью из стороны в сторону, как делал иногда, когда думал.

– Мы подключили бы, знаешь... если бы Титус был девочкой, а восемнадцать лет было бы парню. Мы бы сообщили в школу. Так в чем же разница?

Я выдохнул. После такого вечера с гонками по Лондону, разговорами с полицией, получением номера дела, невозможностью все это время связаться с Мэттью... мне только драмы не хватало.

– Ты хочешь сказать, что мы будем сексистами, если не сообщим?

Теперь пришла его очередь вздыхать.

⁵ В Великобритании это 12 и 13 классы.

– Боже, я не знаю. Просто у меня такое чувство... что я не справляюсь. Что он стал жертвой в двух разных смыслах, а я не знал. Той банды, которая могла навредить ему гораздо сильнее, чем было, а теперь его... не знаю... соблазнила эта женщина.

– Думаю, «женщина» – это преувеличение, – сказал я. – Она еще школьница. Вероятно, она не задумывается, что делает что-то плохое.

Я почувствовал, как Мэттью напрягся и отодвинулся от меня.

– Повторюсь, я не думаю, что ты говорил бы так, если бы ситуация с их полами была наоборот.

Это меня раздосадовало.

– Что ты хочешь от меня услышать? Что мы должны позвонить в полицию и сообщить о ней? Не хочу прозвучать как защитник сексуального насилия, но не похоже, чтобы его принудили к чему-то или заставили силой. И вообще, во сколько ты получил свой первый опыт?

Он нахмурился:

– Мне было пятнадцать.

Я поднял брови:

– А второму... э... участнику?

– Семнадцать, кажется, – ответил он, избегая моего взгляда. – Уверен, что рассказывал тебе об этом давным-давно.

– Что ж, – сказал я. – Я, конечно, не говорю, что не надо разобраться, я просто думаю, что нам нужно остановиться и подумать, как лучше поступить, прежде чем действовать с наскока и ломать людям жизни.

Несколько секунд он смотрел на меня, потом кивнул.

– Ладно. Ты прав. Просто мне это не нравится. Похоже на... пренебрежительное поведение. Легко пришло, легко ушло. Напоминает мне его...

Мэттью на мгновение запнулся, и я закончил предложение за него:

– Его отца. Я знаю.

Я накрыл его руку своей и легко сжал в знак поддержки:

– Идем, нам, наверное, следует лечь пораньше и поговорить с Титусом утром, когда мы все остынем.

Он слабо кивнул:

– Хороший план.

Я сидел в кровати, когда Мэттью сказал это. Честно говоря, если бы не замешательство по поводу того, где он был, и отвлекающий фактор того, что четырнадцатилетний Титус больше не девственник, можно было ожидать, что речь о Рейчел зайдет гораздо раньше.

– Мы должны пригласить ее на ужин. Рейчел.

Я поднял глаза от книги, выбранной для следующей встречи книжного клуба, и посмотрел на него, сделав вид, что обдумываю вопрос. Я прекрасно слышал его – мой перегруженный мозг не воспринял ни одного слова на странице с тех пор, как я открыл книгу пять минут назад, – но я хотел выиграть время. У меня появилось ощущение, что наша беседа рискует скатиться в скандал, а на это моей выдержки тем вечером уже не хватило бы.

– Почему? Потому что она помогла Титусу? – спросил я.

Мэттью посмотрел на меня как на недоумка.

– Конечно, потому что она помогла Титусу.

Некоторое время я молчал, пока он раздевался и ложился в постель. Затем, наконец, я озвучил мысль, которая крутилась у меня в голове с тех самых пор, как я увидел Рейчел в полицейском участке.

– Я в недоумении, почему ты не считаешь все это несколько странным. Это наверняка слишком для совпадения. Что она оказалась там, готовая стать героем.

– Я в недоумении, почему ты еще не заказал ей цветы в знак благодарности. Она спасла нашего сына от потенциальной смерти, – он сделал акцент на этих словах, округлив глаза, и я сдуру рассмеялся.

– Потенциальной смерти? Да ладно тебе.

– Ты знаешь, сколько человек в Лондоне получили удар ножом только в этом году? И большинство из них мальчики и юноши. Только потому, что мы живем в своем уютном мягком мирке, не значит, что подобные вещи не могут постучать в нашу дверь.

Я попытался протестующе захлопнуть книгу в ответ на его снисходительный тон, но это не произвело желаемого эффекта из-за старой и тонкой мягкой обложки.

– Конечно знаю. Я читаю новости.

– Тогда ты знаешь, – продолжал он, – что подобные случаи могут закончиться трагедией. Многие просто прошли бы мимо. И, вероятно, так и сделали, когда увидели его с теми мальчишками. Но Рейчел решила иначе. И это делает ее больше, чем просто хорошим другом. Это делает ее невероятно смелой и заслуживающей благодарности. Я думаю, что приятный вечер с едой и вином в ресторане или здесь, если ты предпочитаешь, это небольшая цена в качестве благодарности, даже если у тебя имеются предубеждения против нее.

Я скривился:

– У меня нет предубеждений. Я просто... Не знаю. Просто все это кажется слишком идеальным.

Мэттью недоверчиво фыркнул и потянулся выключить свет.

– Что, по-твоему, она делает? Таскается за Титусом по лондонским улицам, надеясь на шанс спасти его от хулиганов? Это было бы странно, не так ли?

Глава 12

Рейчел

За десять месяцев до

Решение проследить за Титусом от Вестминстера до Кенсингтона оказалось верным. Это был один из тех поворотных моментов, который ведет ко всем будущим событиям. Это было опасно, определенно опрометчиво, но в конечном счете потрясающе удачно.

Из разговоров с Мэттью на встрече книжного клуба я знала, что Титус учится в Вестминстерской школе. А раз уж я жила в Вестминстере, то решила, что до нее не может быть далеко. Я подумала, что могла бы просто проходить мимо или любоваться какой-нибудь достопримечательностью и предложить проводить его до дома или проследить, возвращается он в Челси на автобусе или метро, и «случайно» оказаться в одном вагоне с ним. Я чувствовала, как кровь застучала в жилах, и не успел в моей голове оформиться точный план, как я уже шла по Гросвенор-роуд в сторону школы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.